

Томъ XXII (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 27. Выходитъ по четвергамъ. 11-го июля 1868 г.

ГОДОВАЯ ЦИНА СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ 7 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА 8 РУБ., НА ПОЛГОДА 5 РУБ.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРЫ ГАЗЕТЫ ПРОДАЮТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ВЪ 15 к.; СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И КОМИССИОННОРЬЮ ВЪ 20 к.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты». В. Р. Зотоу, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНИЕ: Императоръ Мининъ и Пожарскому.—Часть третья обозрѣніе: Дѣтъ Татьяны.—Полиція.—Древніе сады садами Венеры.—Продолженіе труда въ походѣ изъ Италии въолосахъ.—Гравировка.—Давидъ Манинъ.—Несторъ.—Адриена.—Ночь.—Картина

Маршевского.—Мертвая голова.—Борнео.—Процессы Эбергена и Хорнискаго.—Теплота.—Библиографія.—Размысль о книжкѣ.—Отвѣты редакціи.

СКАЗКА.—Король Альянъ съ садами Венеры.—Францъ Гавриловичъ.—Дама изъ Минска.—Ночь.—Картина Маринескаго.—Жалованіе учителя на островѣ Бориса.—Гравѣтъ Густавъ Хорнискій.—Гравюра Матильда Хорнискага.—Юлия Эбергена.—Карикатура.

Памятникъ Минину и Пожарскому.

Россія бѣдна историческими памятниками. Еще въ столицахъ вѣтчайшія неискусно монументы, и статуи, воздвигнутыхъ болѣею частью въ честь государей и полководцевъ. Но города наши мало заботятся о томъ, родились ли въ нихъ стихіи, какъ-нибудь знаменитыя дѣлами или воительствомъ. Но народъ нашъ не знаетъ своей истории, да это и не мудрено, если вспомнить, что послѣ нѣгровиднаго уѣзжанія онъ два вѣка спиною выносилъ изъ татарскими, да почиально столько же его прѣисторичности. Бывали, конечно, и въ эти тяжелыя эпохи—сѣрѣть минуты прорѣденія народнаго духа, какъ въ знаменитой 1612 г. и потому, ропша черезъ два стѣльца, въ 1812 г., несмотря на то, что въ концѣ семидесятогодія восемнадцатаго столѣтія первородный раздоръ, выгналъ поляковъ изъ Россіи и посадилъ на царство царя изѣбнанного, изѣбленнаго. Подній нижегородскаго мясника-торговца слизниковъ изѣбнѣстъ, чтобы говорить о немъ. Онъ одушевленъ князя Пожарскаго, поднялъ его съ одра болѣзни и поставилъ глаѣь народнаго ополченія, для сбора ко-тораго нашели средства и деньги. Еще Александръ I въ 1815 г. уѣзжавшій подвигъ Минина, поставилъ ему и Пожарскому памятникъ, въ Москвѣ на Красной-площади. При Николаѣ I подобный же памятникъ воздвигнуть въ Нижнемъ-Новгородѣ. И объ этихъ памятникахъ, объ этихъ лицахъ знаютъ русскій народъ, несмотря на то, что русскій простолюдинъ и бояринъ изображенъ полу-рѣттами и въ римскихъ тогахъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Дѣла печати.—Распорѣженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 28-го июня 1868 года:

Принималъ въ соображеніе:

что въ № 7-мъ газеты «Русско-Славянскіе Отголоски», въ статьѣ подъ рубрикой «Иностраннаго изѣбнѣя» (на стр. 4-й, въ столбѣ 2-мѣр.), вновь производится возмѣріе, изъявляемый противъ означеннѣй газеты первое предсторѣженіе —

министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи и. II высочайшаго указа 6-го априля 1855 г. и ст. 29-й отъ 11 высочайшаго утвержденія его въ тогъ же денѣ министру государственныхъ событій, и согласно заѣдствованію совета главнаго управлія по дѣламъ печати, опредѣлья: объявить «этотъ предсторѣженіе газетъ «Русско-Славянскіе Отголоски», въ лице отвѣтственнаго редактора и издателя, коллежскаго секретаря Иванова.

ПОСЛѢДНІЕ ПОВСТАНІЯ. — Со временемъ уничтоженія математическихъ бандъ, бородина, въ лѣсахъ Венгерскаго-уѣзда, шайка вооруженныхъ разбойниковъ, нападавшая на деревни и мѣстечка и грабившая мирныхъ жителей какъ называемаго уѣзда, такъ и съѣзжихъ: Минскаго, Сокольскаго, Седльскаго, Радиминскаго и другихъ. Составъ этой шайки

и, сформировавшійся изъ бывшихъ жандармовъ-шайщиковъ, укрывавшихъся отъ поисковъ полиціи, былъ неодинаковъ. Такъ лѣтомъ 1864 года число разбойниковъ входило до 26-ти человѣкъ, а зимою того же года уменьшилось на 8; въ 1866 году бородигъ уермалось три человѣка; въ 1867 году—два только, а на конецъ въ настоющемъ году уѣзжалъ только одинъ, Иванъ Россо, помѣянный землемѣромъ стражею Венгерскаго-уѣзда весною тѣущаго года. Первымъ, атаманомъ этихъ разбойниковъ, былъ Илья Александровичъ Светлоховскій, бывшій вахмистръ инсургентскіхъ жандармовъ-шайщиковъ, впослѣдствіи убитый однимъ изъ разбойниковъ той же шайки. По смerti Светлоховскаго, шайка этого разбрѣдаласъ. Изъ конвоировъ раздробленныхъ шайекъ, известны: кузнецъ Михаилъ Зельясевичъ, Иванъ Сулинъ и Малковскій, нападавший преимущественно на жителей Венгерскаго-уѣзда, способствовавшихъ похищанію ихъ товарищей, и дѣланіе, пристромъ насилія, грабежа и истязанія. Побѣжденный вѣссомъ текущаго года послѣдней разбойничьей изъ этихъ шайекъ, Иванъ Россо, лѣть 30, римската, выросъ въ чиѣль членъ при господскомъ дворѣ въ деревнѣ Турка, где имѣлъ, во время возстанія, свой лагерь начальника жандармовъ-шайщиковъ подольскаго воеводства Фрейтакъ (казненъ). Россо вступила первоначально въ чиѣль вѣшателей Фрейтака, потому что въ стрѣлы Лѣтнинскаго, а, наивѣсѣ, лѣтомъ 1864 года, примкнулъ къ шайкѣ разбойниковъ подъ начальствомъ Зельясевича, сформированной изъ ту пору изъ 14-ти человѣкъ. Россо можно отнести къ числу личностей самаго прѣкраснаго зала. Она участвовала въ нападеніи, съ оружіемъ въ рукахъ, на крестьянъ деревни Конти: Дуля, Париса, Якубовицкаго, Ольжескаго и другихъ, причемъ одному изъ крестьянъ отрезали уши, а въ изѣбѣ другого, успѣвшаго бѣжать, все перебили и согнали. Въ 1866 году Россо, въ чиѣль трехъ вооруженныхъ бородигъ, напала на постыльный дворъ Хризантѣвской въ гор. Станиславовъ: а 15-го июня прошлаго года, съ другимъ разбойникомъ, вскорѣ послѣ того арестованнаго (Игнатіомъ Гогускимъ), настѣнѣ вѣстѣрами изъ ружьи дѣлъ раны радиому самогитскаго гренадерскаго полка Михайловой, проходившей черезъ лѣсъ, прileгающій къ деревнѣ Бржозовицѣ Радиминскаго-уѣзда.

Памятникъ Пожарскому и Минину въ Москвѣ.

Михайловъ через нѣсколько дней умеръ отъ этихъ ранъ. Пойманъ Россахъ весною текущаго года стражникомъ Боржозовскаго-уѣзда, Сидоровымъ, приносилъ двухъ крестьянъ, на чердакъ, въ домъ князя Федорчука. Онь и тутъ было не струсилъ, бросился съ книжаломъ на Сидорова; но скільки и расстроенный стражникъ, сѣхъль по немъ вѣстрѣ, бросился въ слѣдъ затѣмъ, на разбойника съ обнаженою шашкою.

Отъ поминъ разбойника кстати перейти къ арестованію въ Варшавѣ еще одного юнандарма-кижалиста. Въ первыхъ числахъ мая, по указанію слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, арестованъ варшавскій поліцейский подмастерье мимовара, Лодвигъ Боржозовскій. Человѣкъ этотъ въ 1863 году разглагольствовалъ на Варшавѣ съ книжаломъ. О Боржозовскомъ, изъ несомнѣнныхъ источниковъ, известно, что онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ казеннаго Доминика Красускаго, который и завербовалъ его въ юнандармы. Къ преступленіи присягѣ — убийства на улицахъ книжалами людей, Боржозовскій приведенъ въ монастырь святой Ксіофоры, св. Троицы на Солыѣ одиничъ изъ монаховъ 20-го июня 1863 года. Подноненіемъ Красускаго въ пивномъ заведеніи Гирша на Ординаціон-улицѣ, Боржозовскій разорилъ книжалами проходившаго по улицѣ «Александрия» поліцейского дозора, Генриха Градовскаго, служащаго въ Контрольеромъ въ Х части варшавской исполнительной поліціи. Смертный приговоръ на Градовскаго выдалъ главній начальникъ варшавскихъ книжалницъ, Павелъ Ландовскій, и онъ же назначилъ убить за исполненіе езекуціи стру ружьемъ. Но, какъ Боржозовскій не убѣлъ Градовскаго, а только нацелилъ дѣланы, прічинивъ убѣлье, то Ландовскій выдалъ Красускому 75 р., изъ которыхъ Боржозовскому передано линъ 20 руб., а 55 р. Красускій оставилъ для себя. Въ концѣ сентября 1863 года, Боржозовскій, выѣхавъ съ Красускимъ и другими книжалницами, бѣжалъ въ банду, въ которой вскорѣ былъ побѣгъ и, какъ простой инсургентъ, высланъ на жительство въ империю. Корсепсидентъ «Санктпетербургскій Вѣдомості», сообща означенные подробности, присовокупилъ, что «въ январѣ 1866 года Боржозовскій возвратился въ Варшаву, и здесь проживалъ безотлучно до мая текущаго года».

Корсепсидентъ «Санктпетербургскій Вѣдомости» сообщаетъ также съѣздѣнія, касающіяся раскрытия политическихъ убийствъ, совершенныхъ юнандармами-кижалистами во время послѣд资料的 возстанія, и оставшихся неизвестными до послѣдней времени.

Въ 1866 году политическая преступлена второстепенной важности, както-то: собраніе податей на дѣло матеекъ, простая бѣтность въ бандѣ и пр., уже не предполагалась съ прежнимъ строгостью, но всѣ заботы комиссіи были обращены, съ одной стороны, на раскрытие революціонныхъ организаций и отдельныхъ личностей, становившихъ въ главѣ различныхъ политическихъ кружковъ, а съ другой — на обнаружение дѣлствій юнандармовъ-кижалистовъ.

Правда, юнандармы-кижалисты города Варшавы, поддерживавши городскую организацию и продолжавши своимъ дѣлствіемъ матеекъ дѣлѣ, чѣмъ можно было ожидать, усиливъ этимъ комиссіи, до 1866 года, почтѣ всѣ были обнаружены; но въ пропавшихъ царства еще многое изъ политическихъ убийствъ оставалось въ средѣ общества беззаказаннымъ. Нѣкоторые даже предполагали, что тѣхъ называемыхъ юнандармовъ-кижалистовъ, которые присягѣ на вѣрность Государю, были выведенены на прѣжній мѣста житѣльства, а небольшая шайка ихъ распроstrанилась по всему краю, скрывая передъ властями совершившія злодѣяния, называя себѣ простыми новоявленными.

Въ этомъ-то отношеніи крестьяне присягѣли същественно пользу своимъ заявленіямъ, взятымъ, обузвавшихъ убийцахъ, такъ и убийствахъ, остававшихъ до того незглаголемъ.

Такъ, крестьяне довели до сѣдѣнія властей, что возвращавшийся изъ банды и вымогавшій присягу шляхтичъ, экзоменъ Пётръ Мачулипинъ, былъ юнандармомъ-кижалистомъ. По доставленію, затѣмъ, названной личности къ судѣствію обнаружено, что Мачулипинъ, бывшій прежде монахомъ доминиканскаго ордена въ Варшавѣ, а потому, послѣ матеекъ, экзомономъ одного изъѣзжій изъ Люблинскаго-уѣзда, былъ начальникомъ юнандармовъ-кижалистовъ, подъ конецъ востанія самъ командовалъ шайкой вѣтшателей подъ псевдонимомъ капитана «Бичъ», быть въ то время грозой петелько для мирныхъ

жителей, но и для шашекъ, между прочимъ, онъ скъжъ одни деревни и побѣгъ предводителю банды Шидльскому, отобравъ находившуюся у него значительную денежную сумму, болѣе 18,000 р.

Почти все юнандармы-кижалисты небольшой конной шайки Дамса, а потому Савицкаго, послѣ побѣга послѣдніхъ своихъ предводителей Остропольскимъ и Вертураномъ, разошлись по домамъ, и по выполнении присяги, посыпались въ разныхъ мѣстахъ края. Въ началѣ 1866 года, всѣдѣствіе заявленія одного крестьянина Минскаго-уѣзда, обѣйтѣстъ матеекъ пріобрѣзшаго въ почтовой каретѣ офицера, комісіи, начальникъ слѣдствіе, счалъ обнаружено, что убѣлье это, оставленное нелгасимымъ до 1866 года, точно совершилъ Красускій. Дальше, путемъ тщательного и продолжительного изслѣдованія, обнаружено, что убѣлье было произложено поручикомъ съѣзжакомъ пехотнаго полка, Кондратовичъ, отводившимъ свою партію въ городъ Кельце, что онъ убитъ въ Минскомъ-уѣзде, въ имѣніи Духновъ, 14-(26-го) сентября 1863 года, что убийца въ жиломъ домѣ помѣщика Пільскаго поддѣлился вешами жертвы, а бумаги его и заброшенную почтовую кореспонденцію согрѣли. Помышленіе затѣмъ, по указанію комісіи, шесть человекъ изъ этой шайки, посѣсть продолжительного занапѣрія, сознались въ убѣльѣ Кондратовича, раскрыли вѣблъ злодѣй, совершившихъ Дамса и Савицкаго, и указали до двадцати человекъ, которыхъ схѣдно далимѣнѣе распорядили.

Въ ночь на 11-е июня 1865 года, злоумышленники напали на дома отставшаго чиновника привилегированной комісіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, коллежскаго совѣтника Сѣѣтскаго, пріобрѣзшаго въ имѣніи Лазъ, Луковскаго-уѣзда, пріобрѣзшаго домъ сожитѣя, а его самого, по подозрѣнію въ доносѣ на луковскіхъ монаховъ — бернардинцевъ, убили. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обнаружилось, что Сѣѣтскій убитъ юнандармомъ-кижалистомъ, оставленной послѣ казенаго юнандарма Боржозовскаго, и поступившей въ командиное помѣщика Сѣѣтскаго, Станислава Буніка. Помѣшанный, прежде всего, по указанію комісіи, пѣхѣтъ Оснізъ Изѣльевъ, созналъ въ этомъ убѣльѣ, разъяснивъ всѣ подробности одною и указавъ место укрывательства прочихъ злоумышленниковъ.

Въ концѣ прошаго года, по указанію комісіи, было подано въ Галицкій и передано въ Варшаву монахъ Бунікъ, окончательно разысканный пѣхѣтъ убѣлью Сѣѣтскаго, но и другихъ злодѣй совершившихъ, какъ банду Боржозовскаго, и другими потомъ вѣтшателей. По указанію, затѣмъ, Буніка, помѣшанъ еще пѣвѣторо преступниковъ, о которыхъ производится слѣдствіе, а другіе разыскиваются.

Въобщѣ значительная часть дѣлъ (болѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$) составляютъ дѣла обѣйтѣахъ, разбоевъ, подлогахъ и грабежахъ, совершившихъ политическими злоумышленниками, бродившими по различнѣи шаекъ на лѣсахъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣла этого рода, по связи съ другими, по законѣ преступлениа, опровергнувшись главнымъ образомъ своимъ разочарованиемъ на явность, и то, что много изъ участниковъ убѣлья, бѣжалъ или искали спасенія убѣлью, представляютъ въ производствѣ много трудностей и иногда дѣлѣтъ по нѣсколько мѣсяцевъ и преслѣдуется.

Въ одногодиа Остроленскому-уѣзду оказалось болѣе тридцати убѣльствъ, значительная часть которыхъ были известны, но не обследованы до 1866 года. Несмотря на явность и на то, что убийцы убѣлья прежде упирѣлись, нѣкѣтъ, пріобрѣзшаго на дѣланы, что всѣ приведены въ сознаніе, а несознавшіе убѣлью въ соконѣ, злодѣйнѣахъ — сочувствуемы.

Большая часть убѣльствъ вынадаетъ на долю мѣстной шляхты и ремесленнаго класса, прінуждаемаго иногда преступлѣніемъ исполнить казнь, съ цѣлью

предупрѣженіемъ доносовъ съ стороны хулиговъ. Но иноногда убѣльствами располагали дворянѣ, чиновники, пріемущественно вояты гимпѣ, кѣсѣдъ и даже кѣсары. рукою которыхъ мелкими разочарованиемъ, какъ пріимѣръ убѣлью, при содѣствіи кѣсѣдъ, можемъ указать два случаѧ: а) мѣщанинъ города Івона, Пражинискаго-уѣзда. Францъ Ібліцкій, неспускавшій своего сына Осніа Ібліцкаго въ банду, побѣгъши за то, по приказанію мѣстнаго настоїтеля, кѣсѣдъ Кватровскаго, бывшаго революціоннаго начальникомъ и организаторомъ

г. Івона и б) трое крестьянъ деревни Богушице, Пинчевскаго-уѣзда, были выданы на смерть своимъ настоителемъ кѣсѣдомъ Францемъ Пинчевомъ.

Но поговоримъ евреевъ быть побѣженъ юнандармами-кижалистами сперѣй м. Маковъ, Гринбергъ, доносившій начальству о разныхъ злоупотребленіяхъ своихъ единобратьевъ и чиновниковъ при покупкѣ казенаго лѣса; главы виновники сърѣи Мотельдортъ и Финишъ преданы подсуду, имѣствъ съ юнандармами, побѣженными Гринбергомъ.

Только въ 1866 году раскрыты волнилъ дѣлѣстъ юнандармовъ въ г. Гурѣ-Кальвицѣ. Одинъ изъ юнандармовъ, каменщикъ Кенинскій, участовавшій въ подозрѣніи казары, въ убѣльѣ войта гмины Канаръ, Костецкаго, и многихъ другихъ злодѣйнѣахъ, нѣкѣтъ, по указанію комісіи, въ Краковѣ и иныхъ преданъ подсудому суду, а прѣкращаются.

Ножъ въ Егорьевскѣ. — Въ «Газетѣ Егорьевскаго Вѣдомства» пишутъ: «22-го июня, въ 6 часовъ пополудни, при сильномъ порывѣ вѣтра, изъ города Егорьевска вскинулся пожаръ, истребивший большую часть города. Огонь показался въверху деревянного надворного строения (сундука) при дому кунинга Никитина, быстро охватилъ все зданіе и перенесъ на дому, въ которомъ помѣщалась принадлежащія Никитину фабрика. Вскорѣ поѣтъ было, двумъ сильными порывами вѣтра переброшены двумя горячими головами сундука на надворное строеніе куницы Кузнецова, а потому на дому Фролова, которое также схѣдилось жервѣ огни. Затѣмъ, при усилившемся вѣтре, съ трехъ мѣстъ пожарникъ, погоняясь за огнемъ и скрытъ на окраинѣ строенія, большую часть деревнина, и не бѣгъ, въ прорѣденіе часа времени, огромная масса покрыла всѣ внутренніе части города, состоящую изъ 8-ми кварталовъ. Кромѣ сильнаго вѣтра, быструму распространѣнію огня не мало способствовала солицкая масса деревянныхъ строений съ фабричными насељеніемъ. Всеобщее смятеніе, отчаяніе ногородцевъ, крики женщинъ, плачъ детей, трескъ развалившихъся домовъ, представили ужасную картины. Пожаръ продолжался до полуночи, обративъ груды пепла болѣе двухъ третей города»), къ продолженію не болѣе 6-ти часовъ, въ томъ числѣ общественный домъ, въ которомъ помѣщалась ума, общественный банкъ, фільтръ при больнице, принадлежащей земству, фабрики купцовъ Кузнецова и Кузнецова, лавки, разные склады и пр. Находившіеся почти въ центре пожара, деревянный соборъ и бого达尔ъ обвязанъ свѣтымъ спасеніемъ пожарной позарной трубѣ съ багажомъ-фабрикой почтовыхъ гражданъ Хайдуловыхъ. По ображеніи съ городскаго огнѣнаго дому, убытокъ приблизительно опредѣляется до 150,000 руб., кромѣ имущество, товаровъ и машинъ на фабрикахъ. Причины пожара первоначально доказаны, присоединяются неосторожный куреніемъ трубки рабочими на верху сундука.

Тверемъ замокъ подвергся опасности, а потому арестантъ былъ выведенъ въ надежное мѣсто. Пріограждаемъ распространѣтельности начальника мѣстной комісіи и смотрителя тюрмы, арестантъ, до возвращенія въ замокъ, все время хранилъ совершившій спокойствіе.

Для содѣствія къ прекращенію пожара, по распоряженію уѣзжаго исправника, выдано было 900 крестильныхъ изъ ближайшихъ къ городу деревень. Кромѣ того, на другой же день, за горючимъ устроена печь для печенія хлѣба и доставлена изъ уѣзда необходимое для пріодѣлостию количество муки, по существовавшему до пожара цѣнѣ. Находившіеся въ замкѣ пожары, изъ соконѣ, злодѣйнѣахъ — сочувствуемы.

Г. начальникъ туберніи, по получению, 23-го, веторумъ, уѣзжаго доказательства постигшаго городъ Егорьевскъ бѣдствіемъ, на другой же день отправился на място происшествія, открылъ предварительное подозрѣніе, въ пользу бѣдѣвшихъ ногородцевъ,личными своимъ прицепеніемъ. Участие въ подозрѣніи немедленно принялъ старшинъ разсанскаго благороднаго собрания, покрѣпляющими зоопаркъ, и разсанскій 1-й гильдій купецъ Л. С. Поляковъ.

* Число сгорѣвшихъ домовъ насчитывается до 233, всѣхъ же въ городе Егорьевскѣ было 332.

боя, подписанной 200 руб. По прибытии в Егорьевск и осмотрѣ мѣста пожара, г. начальником губерніи открыты были комитеты восстановленія пострадавших семействъ, под предсѣдательствомъ г. губернскаго предводителя дворянства изъ членовъ: мѣщанского суда города Егорьевска, уѣзда и исправника, городскаго головы, уѣзда истратчика и 9-ти гражданъ; изъ томъ членовъ А. Н. Хлудова, В. Д. Клюнова, С. И. Кизеева и другихъ. Причомъ, въ распоряженіи комитета переданы деньги, собранные по подвижкѣ въ Рязани. Въ то же время г. начальникъ губерніи обратился къ собравшимся гражданамъ съ тельными словами, вызвавшими сочувствіе къ положенію несчастныхъ семействъ и оказаніе имъ носильной помощи. Приглашеніе это было принято со сердечной готовностью на участіе въ подвижкѣ, которую первый открылъ А. Н. Хлудовъ, пожертвовавъ 5 000 руб., выражавши при этомъ готовность на новое пожертвованіе, когда все потери будутъ приведены въ положительную извѣстность. Затѣмъ, въ пользу пожертвованія подпишись: В. Б. Карповъ 1,000 руб., С. И. Кизеевъ 600 р., Т. Г. Коноровъ 200 руб., братья Каприоринъ 100 р., М. Араповъ 50 руб., И. М. Афанасьевъ 50 р., Е. Ф. Аргуловъ 50 руб. Такимъ образомъ, сумма пожертвованій въ тотъ же день простиралась до 8,000 р., которые будуть распределены, комитетомъ.

Большинѣ пожары бытутакже въ Осташковѣ, Слупѣ и Вязникахъ.

ДВѢ ТАТЬЯНЫ.

(РАЗСКАЗЪ АРЕСТАНТА).

Ужъ кѣль я прослылъ мою родную матушку по имени мѣня на Татьянѣ Ефимовной... Женила. Таня съ тестемъ, донесли того всѣ глаза на меня вглядѣ: «раскрасавица»—дѣлъ всѣхъ деревни, по работѣ не озного-де нѣть такого молова!.. Въ земляхъ мѣня въ дому спирту, Звали и матушку, — не вояла: ено броши, говорить, свою избѣженку, пока кана: а зумъ—и церквь все отдѣмъ... А я, въ тѣ поры, трѣль лѣбѣдь молодческую солдату, Танѣ же звали. Госковсья я, какъ женился, а землю не подавалъ: да инто и не знать, что зарыбѣлся я въ Таниной—актруто, болѣе, дѣло земли. Лекши, бывао, засыпали; притрагнется колодаста жизнъ, удали солдаточку, Танину звали... «но тебѣ сохну, умъ мою молова!.. Позно, голубчикъ, о чомъ тутъ тужитъ, иѣдъ я твой, не-нагадилъ мое, желаніе!..» Просунусъ, вздрогну, страхну головой, и, какъ ничего не было, землю, да промолвилъ: «оно, моль, спать Гѣтъ, сѣбѧ, Ефимовна.

Можетъ статься, забылъ бы зазнобу свою, потому, больше полгода не видѣлъ ее: да встрѣтились мы съ нею въ теткѣ Наталии, на крестинахъ: попрощали маленечко, гости разошлись, роженица уснула; мы переглянулись, да старину и вспомнили. Хомыка моя въ ту пору стражуясь—хвора лекала. Какъ стали мы раставатъ съ милиункой, до шумоту она мѣна прохажала, холодомъ душу обдула... Принѣшъ домой, лѣгъ на конинку, а на вене стопы моя хвора вѣшила... «Лѣтъ сюда, Наталичъ, мѣнъ полечестъ», цинила она. Легъ. Въ жару-то мена разбрзжало хмѣльного, и вони прамы греши: вижу я, идти широко вода разливается, а по водѣ, на лодкѣ, безъ весла, пылаетъ моя Таня мѣль; я будто изъ тѣмнаго лѣсу рузы въ неѣ, а мене дрѣгитъ не то горбахъ оса—не, не то жена постыдъ!.. Не стерпѣль я, да и припнула въ воду. Танину... увидала, умираю... сохну я!.. Жена разбѣди мѣня: что креститъ у Наталии?—«Понѣ—.. Нѣть, кумъ кто былъ?—Танюха, молъ, солдатъ...» А Басинъ Болынинъ, знао!.. вспышила тесто. Тотъ стартъ корыти мѣни, побѣль разѣтъ: я тоже за это Танью за косы. Такъ пошли у насъ съ той поры раздергатъ... Да прошло съ нами грѣхъ ильно: Татьянину мужа на Кавказѣ убили. Крѣпко задумалъ я спровадить на тѣтъ Танью, и Танину за себѣ замужъ вѣзть... Часто болотили я жену, а теста мѣна—глази мы другъ друга со сберга...

Принѣла пора, жена на постѣдніхъ порахъ лодка, повелъ съ єю бани—«Сѣ ты мужъ, или, говорять, съ нами!..»—Пошѣлъ. По сердцу скребло, да душъ тажело... Сутки малилъ горемичныхъ: въ стонахъ, и визжала, и обмирала!.. У мены слезы градомъ падали... Бабы есъ вздоръ токолюши. Былъ стало дѣло къ кону подходить — чортъ, знать отъ него она сихала!.. «Поднимите, кри-

шигъ, мена за ноги, да трахните!..» Трахнули... Родила сина — мальчишку... общими. «Черненые, говорятъ, волоски, весь по отѣ!..» Баба живы осталась...

Сѣтъ. Той поры вѣль я началь въ Танинской чисты. Муки и крупу ташить цѣлый часъ въ тесте двора въ тихомолку... Разъ, о святыхъ дѣло было, свата Петрушки плели ремни: со мной была жена. Изъ разженья одно, что Танинка солдатка была, подноси къ јѣнѣ да посыпалась: «что на кузинки—дѣ съ нашимъ запоту куру дѣбѣкъ на жареномъ унеслася». Жена моя по лицу ее ударила; а сѣтъ съ јѣнѣ пышилъ, да къ козѣ изъ гостей вѣзъ: не умѣшъ, моль, въ добрыхъ людяхъ руки смирио дѣркатъ!..

Запиши я горюче, хотѣль въ солдаты панталы, да не удалось... Приворолъ мы разъ съ икнеру въ кабысъ. Молодые ребята, весь день не зѣннъ съ гора, да съ гуляни, вечеромъ было дѣло, есть захочѣтъ... «Чего бы не побѣтъ? говорить. Постойте побѣтъ!.. Помощи я дому, залезетъ на подвалку, тамъ изъ чулакъ окроютъ вѣсѣль, сѣйтъ замкинчикъ; синецъ окроютъ изъ кабысъ; а хлѣбъ коровай да соли, за дама барнаулъ, да цѣлованьица. Тестъ сѣдомъ, изълъ стариокъ, вѣсѣль, изъ кабысъ. «Чинили, грабежъ съ взломомъ!.. Поставить миру вѣдро...» посылали доношеніе. Недолго дѣло дѣло, нахлѣзъ судебщикъ, спросилъ стариокъ подъ: пришагъ: «вѣро тѣлъ? Вѣро, вѣро-сердце!.. «Ну, говорить, любезнѣ! сознайся, говорить: сознай смыгачъ назавасане... За грабежъ со взломомъ, хотя бы ничего не угрѣзъ, по закону — ссыпка!..» Вѣтель и смѣчны... Просидѣлъ три года въ отѣрогѣ, да гонять тенеры. Богъ знаетъ куда!.. Читали... не разобралъ, призначатъ сказатъ.

Срубили менъ «дѣвъ Татьяны»... Не досадно уѣхъ, то крайности, что не да одѣзъ же окорокъ.

Подайте, батюшка, гриневу арестанту... на пепрѣутѣ!..

M. H.

СЪНОКОСТЬ.

Люди въ разнѣхъ чисты, во вѣкахъ
Шѣа рабочихъ преступе вѣсели,
И сухую траву на грабежъ,
И на вѣзахъ въ стоя отосни.
Вѣдъ полѣ вѣзинъ, но съ номъ
Оглѣдя крестьянское горе,
И въ изѣ, достоянъе своимъ
Всѣхъ, вѣдъ, музиканъ просторъ.
Она эзѣкѣль, сѣдомъ бубона:
Съ неї страданіе и роды слышна.
И на отѣзѣ съ јѣзѣкъ
Соловьевъ громъ неслыши.
И роса, слови избы, стога.
По поясъ вондза гулза,
На поясъ вѣзѣль вугза.
И на вѣзахъ вѣзѣль вѣзѣль.
По тѣръ вѣзеніе рѣка
Разодѣшила ширью да гладью;
По плеце, какъ межами вѣдѣнь,
И любовьсѧ той благодатъ.

C. A. Григорьевъ.

ПОЛИТИКА.

Славянская земля. — На торжество Гуса въ Констанцѣ выѣхалъ изъ Праги, по западной желѣзной дорожѣ, до 250 лѣтъ, въ томъ чиѣтъ 20 днѣвъ. Въ сѣти пущенѣхъ было много депутатовъ отъ различныхъ чешскихъ обществъ, окружныхъ и общинныхъ представительствъ. Пущенѣхъ вѣнцѣнѣніи вѣтрѣбны были восторженными возгласами «на зѣдъ отъ собравшагося народа». Депутаты повезли на Констанцѣ знамя, которое должно оставаться на могилѣ Гуса. Знамя сѣдѣло изъ полковой материи; съ одной стороны знамени, на боромѣ вѣдѣ, винишна чаша гуситовъ красного цвета, а съ другою, на боромѣ полѣ, чешскій левъ чорнаго цвѣта. Чешскій комитетъ для устройства праидѣства, наѣзди ний торжества, надѣлъ сѣдѣющимъ возвзданіе къ зицелю Констанцѣ: «Граждане старославянаго, изъ Праги, зицелю тѣстъ за солидарность народа, за свободу и простиленіе!.. Кѣ венеръ, чешскіе путники вѣзѣли въ Цюрихъ, и по дорожѣ Романсгоръ, гдѣ величайшій швейцарскій патріотъ, Вильгельмъ Тель, собралъ своихъ сидѣнниковъ и началъ войну за освобожденіе отечества. Въ тѣ же дни, 24-го іюна (бѣго поза), изъ Прагѣ, вѣчерь, было многочисленное собрание на Венесемской-площадѣ, гдѣ поставленъ былъ бѣсть Гуса, и пѣвческіе общества исполнили гимны Гуса и чешскіе национальные гимны. Городъ былъ великодушно ѿбѣйтъ.

Офиціальная чешская газета, опровергая ложныи извѣстъ, сообщаемыи разными газетами о переговорахъ чешскихъ народныхъ представителей съ австрийскими государственными самовинками между прочимъ, говорить: «Нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что Палланци, въ своихъ разорванныхъ съ государственными канцлеромъ, барономъ Вѣстомъ, «требовали полной автономіи» для чешскаго края, а баронъ Вѣстѣтъ, «имѣя привилѣя, расширивъ права автономіи въ Чехіи. Между тѣмъ, разгоревъ между Палланци и государственнымъ канцлеромъ, былъ введенъ въ общихъ выраженіяхъ, и очевидно, что условия расширѣнія областной автономіи несообразны съ настоящею системою управления, суще-

ствующую въ имперіи. Чешскій народъ скорѣе можетъ достигнуть вѣль своихъ народныхъ стремлений, склоннаго вѣзда въ развѣтъ государственныхъ учрежденій, нежели предложеніемъ какихъ-либо условій правительству, и это вполнѣ сознаютъ чешскіе представители. Напрасно пѣньготровы газеты приписали Ригеру съѣзду выраженіе, недѣляюще части избрательности авторовъ этихъ извѣстій, а именно, будто Ригеръ скажетъ барону Бѣсту, что «мы принуждены броситься въ объятья Россіи». Въ разговорѣ съ государственнымъ спикеромъ едва ли кто рѣшился употребить подобное выраженіе. Не менѣе неправдоподобно и другое уверѣніе газеты, что когда, въ разговорѣ съ г. Бѣстомъ, докторъ Ригеръ обратитъ вниманіе на положеніе Австро-Германской имперіи, то она будетъ замѣтна, что Россія и Пруссія, въ случаѣ распаденія Австро-Германской имперіи, могли бы извлечь притязанія на Чехію, но невозможна, чтобы Чехія поддала подъ власть Россіи».

— Предположимъ на 30-е июля три чешскіе народные митинги изъ «пойм Жижка», горъ Примѣслава въ Доминицахъ ловинскаго округа, и въ Страконицѣ, запрещены окружными начальниками. На всѣхъ этихъ митингахъ имѣются обсужденія условій примиренія чешской иѣменной народностей въ Чехіи. Тѣмъ не менѣе, въ чешскихъ и моравскихъ газетахъ объявлено о новыхъ митингахъ, которые имѣются быть созваниемъ 7-го и 8-го іюля на горѣ Вацлавѣ, въ Чехіи, недалеко отъ Брана (Брюна) въ Моравіи.

— Провѣсто по дѣлу о народныхъ демонстраціяхъ, бывшихъ въ Прагѣ, окончилось и все обвиненія лица присудены, за нарушеніе общественнаго спокойствія, къ трехъѣзжому, мѣсяцему, четырнадцати и десѧтиднину годичному заключенію, соображеніемъ стечения нѣкоторыхъ виновности.

Франція. — Прѣнія законодательства обобрали о будущемъ обозначились. Руз, по обѣзборженію, заключилъ мысль рѣчи, которая всегда привлекаетъ большинство, потому что исключаетъ его слабостіи и выражаетъ его нѣрвнѣтельность. Оно утверждаетъ, что правительство не имѣетъ никакой задней мысли, что для него миръ главное условіе цивилизации, а война ужасное несчастіе, которое можно допустить только для удовлетворенія чести и достоинства отечества. Однако, оно прибавляетъ, что желать мира можно, не прибыва съ обезоруженіемъ, потому что народъ бытъ всегда готовымъ для защиты страны, которая своимъ силамъ возбуждаетъ уваженіе Европы. Эти слова могутъ быть сказаниемъ во всѣхъ стиляхъ большихъ и маленькихъ государства, и тоща инѣтъ не примѣтъ на себѣ виданія разрушения, потому что все будутъ бояться нападеній со стороны. Стало быть, будущее будутъ всегда увеличиваться и если Европа не будетъ разорена войной, то будетъ доведена злаками до пыла и тогда народъ ждетъ революціи. Жюль Фавръ наставляетъ болѣе всего на разоруженіи и на возможностяхъ занять для Франціи первое мѣсто, не посредствомъ войны, а силой демократической идеи. Пруссія подразумѣвала только этого слово и наѣдно подразумѣвала, чтобы имѣть съ ними; тогда, какъ невозможна вѣстъ безвѣтровымъ вѣнамъ, подразумѣвала Лудвику XIV и сохранять вооруженный миръ, чтобы угрожать всему свѣту. Это доведетъ Францію до побѣгѣла. Говорятъ, что Франція довольно богата, чтобы заплатить за свою славу, но она не въ состояніи платить за имперію. За этими съѣздами и споровыми словами ораторъ послѣдовательно сильный пушъ соображеній, президентъ призываѣтъ Фавра къ портаду, а министръ Руз призываѣтъ всегда вѣрою.

Правительство обозлоо предвидѣть расходы и не тратить безразсудно общественного достоинства. Правда, что война можетъ быть необходима, но тогда патріотизмъ спасетъ отечество; если же эта безнужная война, для удовлетворенія стѣблой одного человека, то всѣмъ имѣеть право быть въ немъ строгимъ, чтобы подобныя событія не повторялись. Жюль Фавръ скажетъ, что Франціи не будетъ бюджета безъ дефицита, хотя въ 1863 году, правительство объявило, что не будетъ больше дѣлать долговъ. Война имѣеть, но вооруженный миръ стоитъ ужъ народу пятъсотъ миллионовъ, флотъ обходится въ 180 миллионовъ. Игольчатыя ружья разоряютъ народы. Не лучше ли разрушить арсеналы и подѣлать изъ Пасио землемѣрскія орудія?

Въ 1866 году Франція могла имѣть сильное влияніе на Европу, но пропустила удобный случай. Пруссія поступила удачнѣе, и война была для не-

полезна. Однако, наѣдно прекратить эти жертвы людѣй. Ораторъ сожалѣтъ, что военному министру принесли слѣдующія слова: «У кого изъ рукахъ такая превосходная армія, какъ французская, тому нельзѣ оставить ее въ бездѣлѣї?» И даже такого какъ много солдатъ, когда граждане составляютъ лучшую изъ армій! Революціи 1789 года доказали это. Уѣзжали тоже бесполезно, при нѣкоторой артиллери. Во рвахъ крѣпостей потоняли большие миллионы, чѣмъ враговъ. Франція не должна сдѣлать раздоръ въ Германіи, а напротивъ, должна поддерживать миръ для спокойствія Евро-

пей. Надо поставить пятъсотъ тысячъ на военную ногу, потому что другія державы могутъ сдѣлать то же. Даже обѣзъ нельзѣ сокращать. Если лошадей отдаютъ фермерамъ, то они отыѣтываютъ отъ своего язды и артиллери буде слабѣ, чѣмъ у другихъ яздъ. Приѣхалъ довольно миролюбиво. Венскому міністру оставилъ его лошадей, ноѣдливо отослать по лошади семь тысячъ солдатъ.

Дѣло журнала «Electene», основаннаго на первомъ numerѣ, решено въ судѣ исправительной поліціи. Жюль Фавръ, Геній и Пикаръ запинчали редактора и автора статьи, но судъ былъ также

пы. Франція должна приступитьъ къ обезоруженію перваго и этимъ она доказаетъ свою силу». Сильна и красоручна рѣчь Фавра, конечно, не убѣдila большинства, которое, хотя расположено къ миру, но не согласно на разоруженіе. Военный министръ объясняетъ, что у него войска только 370 тысячъ, что онъ для отпуска 50-ти тысячамъ, а требуютъ, чтобы онъ распустилъ еще не ему необходимо это число, чтобы солдаты были достаточнѣи выучены и можно было скоро привести ихъ въ движение. Военная сила состоится не въ числѣ солдатъ, а въ бѣстѣ, ст. которогор можно поставить ихъ на военную ногу. Франція должна въ дѣлѣ не-

сторѣ, какъ всегда въ иѣзбныхъ случаяхъ. Найдено было, что статья Ферри обозраждаетъ неизвѣстъ къ правительству и возстаною одинъ слово, гражданская противъ другихъ, словоъ, приведенъ обыкновенныхъ фразъ, которыми стыдиться свободы. Оба обвиненныхъ осуждены, каждый на 5,000 штрафу. Новый законъ о печати скоро сравнился съ прежними пеизурными учрежденіями. Однако, это не заставляетъ журналистовъ молчать. Въ «Avenir National» съѣтъ наѣдъ громаднѣйшимъ числомъ лицъ, награжденныхъ орденомъ «почетнаго легиона». Въ 1852 г., ихъ было 52,000, а теперь 63,000. Стало быть, уровень правственности

полагалась во Франции, хотя моралисты твердят о всеобщей испорченности. Ни одна страна в Европе не может похвастать стольными кавалерами. В Пруссии, в двадцать листах, великая поэздычною войну, прибавилось не больше девятисот листов, полуничихиных орденов.

Сатирический журнал «La Lanterne» также сильно нападает на императора. Онь замечает, что статуя герцога Орлеанского, украшавшая прежде дворец Лувра, заброшена где-то в Версале, а между тем, этот синь-Луи-Филипп восстановил статую Наполеона I на Бандом-

Эта первая нервнительность сдѣлала много вреда. Она задерживает нравственное и материальное развитие нации и все сбѣсъ видят в ней тайны кончи против общественного спокойствия. Газета «Times» говорит: «какъ не хвалить императорское правительство, но его нельзя называть демократией». Овдѣльѣ властъ въ 1851 г., «Луи-Наполеон» наполнилъ долгъ въ 213 миллионовъ ф. стер. Къ 1864 г. этотъ долгъ возросъ до 492 миллионовъ, стало быть, больше чѣмъ удвоился. Въ 1867 году этотъ долгъ досохъ до 540 миллионовъ фунт. стер. Английский долгъ больше только 230

лѣтъ зѣты мира стояли почти столько же, сколько дѣвять лѣтъ опустошительной войны.

Англия. — Англичане еще продолжаютъ раздавать удачу азиатской экспедиции. Главнокомандующий сдѣлалъ королемъ Непира Магдаленскимъ и ему назначена огромная пенсія.

Испания. — Въ Мадриде открыть заго-воръ, сильно обезвоживший правительство. Арестовано избѣскою генераловъ и важныхъ лицъ: генералъ Сerrano, герцогъ де-ла-Торре, любимецъ королевы, маркизъ Кастельфортъ, бывшій губернаторъ Гаваны и Каталоніи; генералъ артилеріи Сабала, бывшій губернаторъ Старой Кастилии Бедоа и др., не считая мелкихъ заговорщиковъ, которыхъ арестуютъ по одному подозрѣнію. Всѣ арестованые генералы перенесены на Каанар-скіе острова безъ суда, и народъ корѣтъ посланъ къ берегамъ Атлантиды для наблюденія за устремами Гададелевиа. Но вѣжливъ всего то, что герцога Монтиаса пригласили оставить Испанию, чтобы недовольные не могли выбрать его своимъ зна-менемъ. Разѣзъ сбѣрасилъ въ Испанию сдѣлать герцога Монтиаса родоначальникомъ новой династіи, или хотѣли сдѣлать государственнымъ переворотъ въ пользу абсолютизма и крайнихъ клириковъ? Вѣроятно, дѣло затѣзилось не на шутку, если захватили столько генераловъ, изъ которыхъ изъ политическихъ и военныхъ, сбѣтѣшили родственника королевы, который уѣхъ двадцать лѣтъ живѣтъ въ Испании, видѣть много революций и не выѣзжалъ ни въ одну. Тенеръ отъ выѣзда пѣхъ изъ Кадиса въ Лондонъ выѣхѣ со своимъ женой, сестрой королевы Изабеллы.

Австрия. — Австрийская печать, принадлежащая ко всемъ отѣлкамъ, осуждаетъ строго духовенство, которое не уважаетъ законы и возобуждаетъ анархію. Общественное мѣнѣе еще строже: оно требуетъ простого уничтоженія конкордата и отобрани педантическаго имущества духовенства. Въ Вѣнѣ было народное митингъ, на которомъ ораторы объясняли, что если правительство такъ слабо, что не можетъ усмирить духовенство, то народъ останется одною средстѣю, отъзываться масами отъ римскаго католицизма. Ультрамонтаны, которые почему не выучились и ничего не забыли, вышли сами бѣро и могутъ вѣтъ ней погибнуть.

Японія. — Микадо осудилъ тайную на смертную казнь, однако, помиловалъ и реинтигъ занести своего бывшаго соправителя въ одинъ изъ храмовъ провинціи Міто. Пока исполнилась эта энергическая мѣра, изъ сѣвера Японіи составилась колоннада лаймосою, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей и мѣнило сама можетъ быть свергнутъ востокомъ. Въ Іокогамѣ ждутъ новыхъ чиновниковъ микадо, которые введутъ другую администрацию въ наследственное мѣнѣе тайкана.

Древнія Аенны съ садами Венеры.

Ноэтическая красота древніхъ Аенъ не разъ была описана. Въ своей картинѣ Шинкель познаніемъ пачь съ панорамой древній японской столицы. Подобное же добросовѣсное произведение представляеть большая, писанная масляными красками, картина Йосифа Гофмана, составленная въ Вѣнѣ 1864 г. по заказу барона Сиза. Въ тѣ же времена, какъ Шинкель предумышленно обратилъ внимание архитектурно-памятника Аенъ, Гофманъ, какъ пѣхізантъ, представилъ древнію столицу искушать со стороны садовъ Венеры, славившихся живописными мѣстообразованіемъ. Съ помощью обширныхъ топографическихъ изучений, онъ составилъ картину, дающую яркое понятие о тогданиемъ положеніи этой столицы. Въ тѣмъ оливковаго лѣса видѣтъ налько южній храмъ борніи любви, обрамленный кѣлью города. Торжественная процесія двинулась осинисты пѣшими путь къ храму Афродиты Ураны, гдѣ одно семейство присоединѣло жертву. Нѣсколько дальше, направо, видимъ грун-ци, танцующія въ честь Афродиты и Ареса, которыя стоятъ стоять въ сияніи лѣсу. Въ глубинѣ возвышается прекрасный коринфскій монументъ Лизікрату и Одеону Перика, эти подражанія падаютъ Ксересу. Въ этой же части города возвышается скала Акрополя со своими храмами и памятниками. Художникъ вѣро изобразилъ южн. греческое небо, блестательную растительность и доказалъ, что близина древніхъ мраморныхъ синевъ можетъ быть прекрасно соединена съ требованіями нѣзажа.

Йосифъ Гофманъ — ученикъ умѣшаго историче-скаго живописца Карла Раля, котораго идеальнымъ

Аенны съ садами Венеры.

свои колоннѣ и перевезъ въ Парижъ его практъ съ острова ср. Елены. Вотъ какъ забываются благо-дѣлія прокинувъ династіи!

Английская печать то же не перестаетъ пори-вать национальную политику. Въ «Daily News» сказано, что французскій народъ испытываетъ тенеръ, какое благонадѣюе доставило ему бонапартистское правительство, какова судьба тѣхъ, кто боялся свободы и ищетъ только спокойствій. Всѣ дефициты и безпзордки въ финансахъ произошли отъ виднаго человѣка, который, какъ театральный директоръ, хлюпочетъ только объ эффектѣ, можетъ быть, жалеть хорошаго, но допускаетъ дурное.

миллионами, но Франція дѣлала свои займы на такихъ несвойскихъ условіяхъ, что англійскіе пропенты превышаютъ французские только на одинъ миллионъ, а поѣтъ нового займа, Франція будетъ платить больше Англіи. Путаница въ финансахъ увеличивается. Послѣ сраженія при Садовѣ, Франція догадалась, что она дурачно вросла въ начавшись военныя реформы. Пруссія то же не хочетъ отставать, и безумное соперничество доведетъ до войны или до истощенія. Пора французскому правительству подумать, что оно играетъ въ опасную игру. Пруссія можетъ выдержать больше Франціи, кото-

направлением оно руководствовалось, когда поэзия продолжительного пребывания в Греции толь обратилась к исторической живописи. В 1862 году она выставила целый ряд акварельных рисунков. Статная живопись его была как бы разинутым зеркалом, изображавшим им из «Страданий» Прометея и обновлений его Ираклопом. После возращения в Быль, Гофман, кроме ландшафта Абене, написал еще «Гробницу Анакрона» по заказу тогдашнего государственного министра. Художник представил величайшего поэта жизненными наследиями, которые, по преданию, скончались 85-ти лет, подавивши виноградным зерном — умирающимъ въ собственномъ своемъ отечествѣ Тесос. Въ картинахъ лежит мраморная эпиграфа поэта, а у подножий сидят старцы. На террасѣ въеселая группа забавляется танцами и пѣньемъ; въ срединѣ изображенъ берегъ Йонийскіхъ острововъ, налью храмъ подъ тѣмъ бѣниарисомъ. Далѣе писаны Гофманомъ въ 1866 году четыре ландшафта, выставленные въ залѣ вѣкаго городского парка: ландшафтъ съ изображеніемъ св. Евастіи въ «Сабинской горѣ» въ Олеваніи. Въ послѣдніе годы дарование художника прѣбрѣло новое поле дѣятельности въ созданіи архитектоническихъ декораций для оперного театра. Если Шинкель, замыслилъ не долговѣчныи, поприщемъ декорационнаго искусства, то теперь упрекъ за это и Гофмана.

Пожиратели труповъ и похороны.

Были народы, которые не жгли и не зарывали трупы, находя это неуважительнымъ для покойниковъ и предпочитали хоронить ихъ въ своемъ жилище. Трупы разрывали на куски, приготовляли ею съ другимъ мясомъ и на праздницахъ приговаривали всѣ родные. У другихъ народовъ, покойниковъ отдавали на слѣдѣне животнымъ, которыхъ для того и держали. Этотъ странной обычай произошелъ отъ догматовъ переселенія душъ.

Бретонцы и ирландцы, хотя слѣдовали ритуаламъ, но пожирали своихъ покойниковъ. Жители Понта — масагеты поступали точно также. Изъ Азіи покойники солнца убивали стариковъ, старые семидесяти лѣтъ и съѣдѣвали своихъ родственниковъ, умрившихъ насищеннымъ смертью.

Жители Гирании коронами только женщины, находя ихъ недостойными своихъ жеуподобий. Въ Америкѣ, въ Венесуэльской труны, потому сущишли ихъ туки, тошли въ порошокъ и смѣшили съ виномъ, которое пили въ торжественныхъ случаинахъ. Ничѣе дѣятели Канагаги то же жарятъ мясо и фытъ ихъ, въ полной убѣренности, что это для покойниковъ большая честь.

На Балеарскихъ островахъ жители разрывали трупъ въ куски, складывали ихъ въ кувшинъ и зарывали. Народы Азіи, покоренные Александромъ-Балканскимъ, перенесли съюзы мертвыхъ въ лѣса и поля и оставляли ихъ дикимъ зѣбрамъ и хищнымъ птицамъ. Они также привыклили къ деревнямъ дикихъ старииковъ и оставляли ихъ умирать съ головой.

Въ Египтѣ лишили потребленія зѣлья, преступники и нарас, которые поѣли суда надъ ними найдены были недостойными общаго уваженія.

Гробы почтили трумы нечестивыми. Они переносили ихъ далеко отъ городовъ, где былъ назначена мѣста для мученикъ, для женщинъ и для лѣтей. Покойниковъ клади на рѣбутовъ поверхъ земли и оставляли ихъ дикимъ зѣбрамъ и хищнымъ птицамъ. Они также привыклили къ деревнямъ дикихъ старииковъ и оставляли ихъ умирать съ головой.

У трогодотовъ слѣдили тѣло головою къ зѣльямъ, синевами то сѣѣтъ и клади на возвишеніе. Потомъ, на него бросали камни и сѣѣтъ на покойниковъ вместо того, чтобы плачать. Когда наѣтъ трупомъ образовалася холмъ изъ камней, наѣдъ пѣши станови колыни рога и оставляли могилу.

Свербевые сквоы и самбѣды закапывали своихъ мертвыхъ въ сѣѣтъ или оставляли ихъ на зѣльяхъ и на горахъ. Жители Оракіи поступали также. Они плачали только о дѣтяхъ, умершихъ при рожденіи, но похоронъ были всегда праздникомъ и веселіемъ.

Ихтиографы и другой племена Йоаніи коромысли трупами рѣку, которыхъ сама потомъ слѣдѣла. Это было религиозный обычай.

Асирійцы и жители Колхиды бросали мертвыхъ въ реку. Въ Бенгалии то же бросаютъ въ Гангъ, нестолько умершихъ, но и умирающихъ, потому что умереть въ священной рѣкѣ почтится счастливымъ.

Въ Персии покойники почтились нечестивыми и до нихъ болѣди дотронуться. Религія запрещала жесть тѣла, хоронить ихъ и бросать въ воду. Во временахъ городъ былъ дѣй бани: чорная и белая. Смотра по достоинству покойниковъ, онъ клалъ на платформу однѣ изъ башенъ и оставлялъ на сѣѣтѣ птицы. Во время похоронъ королевъ были праздники и приество. Плачать запрещалось, а на землю что смерть почтилась благодѣйствиемъ, а не зломъ.

Абадзехъ и другой кавказская племена вѣшали покойниковъ на деревьяхъ; въ Греции же ихъ сушили на воздухѣ, потому клади въ корзины, которыѣ вѣшали на деревьяхъ. Готовъ поступали также.

Жители Тибета ели мертвыхъ на горы или воронили ими сбѣть; людѣй въ Гаїдахъ убиваютъ старыхъ и больныхъ родителей, приглашаютъ родственниковъ и слѣдѣютъ покойниковъ.

Это самое почтное потребление мертвыхъ.

На островѣ Суматрѣ живутъ племена, у которыхъ есть законодательство, и преступниковъ слѣдаютъ живыми, также пѣщины, воровъ, измѣниковъ и разратныхъ. Послѣ приторговки, преступника призываютъ къ дереву, собираютъ народъ и каждый индейецъ право выбирать себѣ такое мясо, какое ему больше нравится. Если мужъ обвинилъ любовницу своей жены, то имѣетъ право на первыи кусокъ, за нихъ слѣдуетъ его родные. Лакомимъ пускаютъ почтиться: сердце, ладони и подножка.

Въ королевствѣ Ангола убиваютъ пѣщины и придаютъ имъ мясо. Пѣщины женщинъ почтисяли въ жертву богамъ и такъ какъ они почтисяли лакомимъ блѣдомъ, то ихъ было только начальниковъ. Этотъ народъ былъ такъ проковаженъ, что жалѣтъ пѣщинъ живими и рѣвалъ имъ мясо, когда они были живы. Эта птица была иногда очень проказлива.

Въ Дагомѣе трупы жертвъ отдаются народу, а головы короля. Убиваютъ стариковъ, чтобы заслужить покровительства боговъ.

Древніе народы Мексики имѣли много боговъ и приносили имъ человѣческія жертвы. Жрецы сдѣлали кожуѣ пѣщинъ, и накрыли ею свою голову, бѣгали по городу, требуя денегъ. Жертвы подносили по городу въ цѣхахъ, угощали ихъ земными лакомствами, заставляли молодыхъ тѣхъ, кѣиѣтъ имъ и потомъ убивали съ различными перемычками и сѣѣтами. Жрецы дѣлали также кѣиѣтъ одному празднику статую въ человѣческой ростѣ изъ муки, плюща, овощей и дѣтской крови. Для этого убивали ребѣнка, который тоже слѣдѣлъ. Этту статую сушили, потому угаривали, какъ на вѣтре и возили по городу и селеніямъ, какъ на вѣтре и возили пѣщинъ пѣщинъ; король, прибрѣзовъ и народъ провожали статую, потому слѣдѣли статую и пѣщинъ съ великолѣпными церемоніями.

Была еще въ Мексикѣ праздникъ, когда приносились изъ жертвы дѣти, которыхъ до того держали въ кѣѣтѣ, какъ итти. Этотъ праздникъ въ честь бога воды считался самыи важнымъ, потому что отъ воды зависѣло благоеніе и плодородіе страны.

Нѣчто о волосахъ.

Много мужчинъ и женщинъ прославлялись волосами и перенесли въ постыдство, благодаря своимъ волосамъ. Волосы Александра вѣсны нѣсколько фунтовъ и были причиной его смерти. Онъ посыпалъ себѣ волосы золотыми блестками, какъ нѣкоторыи героя и героян дреиности, какъ знаменитыи Вереника, какъ современныи коготи.

Исторія Самсонъ изѣбѣты, хотя сила мужчины не можетъ быть въ волосахъ, однако, никогда сеи не было пѣщинъ алтѣтъ.

Неронъ, любивший все чрезвычайное, обожалъ волосы своей жены, Поппеи, и имѣлъ терпѣніе считать ихъ и давать каждому волоску особое имя. Въ исторіи не говорится, во сколько времени онъ исполнилъ этотъ трудъ. Каде Руссоло не трудно было пересчитать свою прическу, потому что у него было всего тридцать три волоса.

Великіе модизианійскаго приличія въ волосахъ. Императоръ Августъ браниль свою doch' Юлию за то, что она выдергивала себѣ сѣѣтъ волоски и говорила ей, что лучше имѣть хоть бѣлыѣ волосы, чѣмъ быть пѣщиной. У Юлии были превосходные чорные волосы, но въ нихъ рано показались серебряныи нити и Августъ боялся, что его дочь будетъ пѣщиной, потому что она выдергивалася волосъ, чѣмъ вредно для головы.

Кромѣль любилъ смотрѣть, какъ стригутъ солдатъ волосы. Однажды показалася такая волосатая голова вѣлица, что обѣ ее сломались поклони. Кромѣль произнесъ солдата за сержантъ, сказавъ: «человѣкъ таѣтъ же приѣзжихъ, какъ его волосы». Народъ, который брѣтъ себѣ голову, придумывалъ разныи увенчанія, чтобы придать величие и красоту головѣ. Вотъ почему арабы и турки изобрѣли чалмы и опутывали себѣ головы бозисиленными сладкими.

Астріса Марсъ оставилъ безсмертное имя на пѣтровѣ и егъ усыѣ, какъ женщины, были также блестительны. Dochъ Монея добирѣвалася въ 1711 году, когда ей было сдаа тридцать лѣтъ, въ 1841 году играла ролю кокетки и наивныхъ двѣнадцати съ такимъ талантомъ, что приводила въ восторгъ зрителей и удивляла ихъ събѣстюю голову, гибкостью тѣлъ, чудомъ пріоскоци. А между тѣмъ, знаменитая артистка, даже въ молодости имѣла очень мало волосъ, а потому потеряла и остальные. Парикмахеръ французской комедіи, Демаре, выходилъ изъ себя, чтобы видумать прическу для очаровательной головы Селиненъ, Вадернъ, Гортензіи. За то ему и стѣла эта рабата.

Однажды лаганъ «Мизантропъ» и Демаре вѣжливо въложу, где сидѣла Рашиль, говоря, что хочетъ поборѣваться со своимъ пріосвидѣніемъ. Онь было для того умѣло, что онъ не было жалко смотрѣть, когда Марсъ вышла. Рашиль сказала плащаду, что никогда она не была такъ превосходно пріосана, что онъ былъ величайшій артистъ.

Чего мѣтъ это стѣло! возразилъ со вздохомъ Демаре. — Вы восхищаетесь этимъ вѣдущими локонами, этимъ волнистою косою, а знаете ли, сколько часовъ и мучасъ, чтобы наклеять все это на голову Марсъ.

Но прежде, по крайней мѣрѣ, не хвастай тѣмъ, что носить чулкѣ волосы, а иначе не скрываютъ, что носить фальшивыи шиньоны.

Грильпарцеръ.

Францъ Грильпарцеръ можетъ называться первымъ драматургомъ Австрии. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что онъ принадлежитъ къ первымъ поэзиямъ Германіи, представляя поэзію Шиллера и Гете классическіи фигуры германской национальной поэзіи. Критика Сѣверной Германіи не признала его въ этомъ званіи. Сочиненія его никогда не были изданы вполнѣ. Только 15 лѣтъ назадъ утвердились его литературныи слава, и этимъ объясняется директоръ вѣлікаго бург-театра Іаубе, который добровольно вѣзъ ею драмы. Іаубе былъ чрезвычайныи. Старыи писемъ, какъ напримеръ «Сафо», сноса налѣктривали публикѣ, поэтическая драма «Волны моря и любви» (исторіи Геро и Леандра), принятая была съ величайшимъ построемъ.

Грильпарцеръ ужъ очень старъ: ему около 80-ти. Сѣрѣхъ тѣло, глухота почти совсѣмъ отдала его отъ общества. Но умственная способность его сохранилась. При важныхъ случаинахъ все образованіе Австрии жалѣтъ отъ него рѣшенія въ вопросахъ, относящихся къ сценѣ, и онъ сообщаетъ эти рѣшенія всегда въ особенной формѣ.

Знаныи его очень проста. Онъ родился въ Вѣнѣ, и получилъ полное образованіе, пристрастился къ греческому языку и его древностямъ. Единственное путешествіе съ было въ Веймаръ, чтобы пріествовать Гѣте, котораго онъ вѣзъ съ Шиллеромъ болѣе всего уважалъ.

По правительству отношенин онъ всегда былъ противникомъ старой австрийской системы, и не скрываюиъ этою опознаніи, всегда, однако, искренно любилъ свое отечество, и когда оно, въ 1848 г., видимо разрушилось, онъ сказалъ Раденкуму: «Если Австрия въ своемъ лагерь».

Въ правительстве отношенин онъ всегда былъ противникомъ старой австрийской системы, и не скрываюиъ этою опознаніи, всегда, однако, искренно любилъ свое отечество, и когда оно, въ 1848 г., видимо разрушилось, онъ сказалъ Раденкуму:

Первое его вступленіе на драматическое поприще произошло 50 лѣтъ назадъ (1816 г.). Трагедія «Алѣпта» (Прапорщикъ) и тенеръ еще живъ, несмотря на то, что ее пріачинили къ такъ называемой фаталитѣстской школѣ. Она произвѣла большой эффектъ и въ первою на русской сценѣ. Но поэтическая сила ею была: «Сафо».

и «Золотого руна». Последняя составляла трилогию; но из Германа и гравра ее только подъ называли: «Медея». В Бѣль въ 1876 году дѣлали ее поэзію называемыемъ: 1-я часть — «Гостепріимство»; 2-я часть — «Аргонавты», а 3-я часть — «Медея», и давали во все продолженіе прокураторства. Лубка, «Счастіе въ кончинахъ Оттогара» представляемъ побѣдой германъ надъ чехами, и въ этомъ отношеніи это, конечно, важная историческая пьеса. За нею послѣдовала драма «Вѣнчаніе слуги своему господину»; изъ новѣйшаго времени упомянули бы «Сервизы», изъ фольклорной вѣбность, цепта историческая.

Далѣе явилась драма «Волны моря и любви», которая 50 лѣтъ назадъ упала, а нынѣ съ честью воскресла.

Пьеса «Горе тому, кто лжетъ» имѣла ту же участъ: она названа была комедіею, тогда какъ это чистая драма, полнаа ума и тонкости.

«Жизнь есть сон» последняя драма Грильпарцера, написанная в 1834 году. Она и теперь осталась одною из любимых пьес винских зрителей. Ее прозвали «Австрийским «Фаустом», потому что она изображает развитие молодого героя во многих драматических формах.

человека в самых поэтических формах.

Есть и другие пьесы, как-то: «Рудольф и Матильда» (из истории габсбургского дома), «Либассы» (имитация французской истории, но Грильпарцер не отдал их на сцену. Онъ не позволилъ то же напечатать многихъ своихъ стихотворений. Мы можемъ только сказать, что прежде авторъ будемъ имѣть возможность познакомиться съ вполнѣ собранiemъ его сочинений).

Данійлъ Манини.

Знамитый итальянский патриот, родился в Беневенте в 1804 году, умер в Нарике в 1859 г., но, по странному случаю, президент, возрожденной демократической Венеции носил ту же фамилию, как и поэзий дядя, историографической Республики. Ондоцо, Даниэль Манин происходил, не от аристократа, и даже не от христиан, потому что эльдэ его был еврея, а отец имел звание адвоката. Он вынужден был из республиканской правы, вымѣстъ съ неизвестностью въ Наполеоне, Австро и Франціи. Молодой Даниэль, вслаждуясь феридою философіи, политики, права и семинарии, чтобы получить звание юктора права въ университете Падуи. Такъ какъ эта пословинка ему испытана въ чисто адвокатскомъ, то онъ занялся юристикой, перешелъ римскому право, составилъ словарь венецианского нарѣчія. Въ старомъ году онъ женился, поселился въ селеніи Мерте, близъ Венеции, и занялся консультаціями, потому что австрійское правительство допускало публичныхъ препрѣнъ по уголовнымъ процессамъ. Онъ жилъ въ учединѣніи, оружованій драматическаго танца. Унаслѣдъ болонской революціи 1831 года, онъ составилъ программу, призывающую Италию къ восстанию. Эта по倡议е не имѣла силы и Манинъ свою занятие прекратилъ, обдумывая, въ то же время, планъ восстания для освобождения Италии, только онъ хотѣлъ, чтобы опозиція была легальна, постенческая и не соглашалась на немедленную революцію. Ещѣ требовалъ непретенциозные патриоты.

Борьба началась полемикой по случаю проведения земельной реформы из Милана в Венецию. Составилось итальянское общество в Манин отравился в Милан на собрания апостолов, которые были шумны, какая политическая общество, и потому ими хотели запретить. Власти банкрута тоже восстали против итальянского общества, и оно было закрыто. По восстанию заседания Манин успел сказать сильную речь, приставившую австрийское правительство и возбудившую недовольство патротов. Его имя сделалось популярным, за то полина начала слыть за него. Онъ не переступал законности, но пользовался всевозможными слухами, чтобы поддержать оппозицию и учинить правительство. Онъ составлял поэзии и заставлял покрывать имъ тысячи подписи и его не могли бросить, потому что онъ действовал заочно и открыто. Надобно было превосходно знать юриспруденцию, нравы властителей Венеции, чтобы такъ твердо и къ своей цели, возвеличено было итальян. Тосканы, Пиемонта, Неаполя принесли за изобретения физики, Ихорада сколько заразили даже австрийскихъ поданныхъ. Отъ Альбы до Сциллии, все пришли въ движение. Въ Миланѣ, одинъ депутатъ осмѣялся выразить мненіе, что въ Миланѣ, где всегда состоятъ гости, не можетъ быть никакихъ ограничений. Альбъ, въ то же время, выразилъ мненіе, что въ Миланѣ не можетъ быть никакихъ ограничений.

дійсності і скостяло петрівські, требує, щоб його
міжаро-венеціанське королівство було італіан-
ським із всією-королевою і міністрами, независі-
мими від Ізільського кабінета і имбодінським сно-
ві тільки з імператором; щоб була італіан-
ська армія, італіанські фінанси, італіанський
їдеал, назначаючи закони і податки, состоявши
з виборчими людьми, публічними засадами, спо-
віднішніми печаті, національну гвардію, унічтожені
потребутіння і пр. Нéчого і говорити, що эта-
нітизм була отвергнута, но австрійської прави-
тельства принесала із дійствістю волині з Мі-
ланом, Венецією і Тріестом, якщо це, що зде-
яло заговор на арестовані автори істотій. Но і
відь Маніні, какъ Томазою, продовжувавъ
виступати проти беззаконного аресту і оправ-
дівляти себе передъ судомъ такъ искрено і логич-
но, що судъ не знали, въ чому его обвинять. Его
важливість якъ юриста въ Італії поизвестіе о ре-
волюції въ Парижі і Вільні обсямнуло арестантів.
Народъ вінъ єстихъ історій трумфомъ,
— тогда якъ присудъ устроївъ порядокъ,
— що упредилъ національну варію більше сордь-
ни губернатора, графа Пальці. Явилося четы-
тисячна хіднотинъ і Маніні изъ адвоката і
заслуга превратилася въ воину і революціонера.
І успіхъ залядує арешаномъ, обозріваль-
шотовъ, і 22-го марта 1848 года провозгласивъ
снігульку на ілонціахъ св. Марія. Губернаторъ
пішовъ, воєнний начальникъ молчавъ, не про-
біло на кали і народъ, виражая свою
нігість, не забільші достоинства своїхъ земель.
Однако, городське управление отказало по-
стати Маніні, скостяло временнє правлінє и
змінило перегородки зъ Австрією. Оно іздало про-
амацію, въ которой ничего не говорилось зъ ре-
спублікъ, не упоминалось ни о Маніні, ни о Тое-
ніо. Народъ виступивъ за свою освободителю і
зинчительству должень, бýть призвати его под-

Представители Сардинии, Швейцарии, Америки признали республику и ее президента Манини. Весь венецианский дворянский ордебрил землю, только Верона осталась в власти Австрии. Манини, прежде всего, заботился о чистоте, беспородности и словесности, требовал, чтобы исполнители своих обязанностей, и в то же время, допускали приглаженность правил, политических, религиозных и прней. Судебная реформа была очень необходима. Смертная казнь отбывана, злонравия уничтожены, также как и штемпель на журналах, посыпаны стерильными лодовьями. Прозвонение было равнеством граждан, всевозможной величины. Он начал заботиться о защите республики, которая могла сыграть подость подъя власть Австрии. Итальянское дьло было в руках Карла Альберта, который был храбрым воином, но не гусиной начальницей. Он допустил Радецкого, единившегося с Поклоном, и оставил Венецию, потому что она не отдалась ему. Венеция защищалась несколько тысячами воинов-террапи и национальной армии, да сардинская эскадра состояла из гаваний, допускавших напретия с моря. Скоро, однако, претиции привели к наступательное движение, разбитие национальной армии, взятию Венеции. Падуя, Тревизо, Пальма-Нуова слались к капитулации. Манини хотят приобрести купу покровительству Франции и Англии, чтобы спастись Венеции, но король Фердинандо II сослался на трактаты, а Ламартинъ, чтобы не может послать войска в Венецию и даже не приводил венецианской республики. Притом, в самой Венеции начали требовать воссоединения к Пльманию; Манини не хотел, и он и сложил съ себѣ власть. Венециа отдалась Карлу Альберту, который был разбит в Венеции и извала свою Манини, вручив ему диктаторскую власть. Всё это усилия были направлены къ тому, чтобы сохранить независимость Венеции. Онъ истощил всѣ средства, держалась до невозможности и ради уважаъ его, повиновалась ему, вырѣшилъ покинуть городъ. Цѣлыі годъ продолжалась осада Венеции; первоначально не разъ заставляла отступить полкъ страйкнѣ. Европа съ завинтою смотрѣла на несущую борьбу и не думала помочь блѣдной зернѣ, венецианская республика снаслась Римомъ для пана, Манини погибла и—вѣту, къ покоренію бѣзъ, въ неї открылся холера. Манини принужденъ былъ уступить врагамъ; онъ простила себѣ родомъ, передалъ свою власть городскому правительству и когда австрійцы вступили въ Венецию, онъ, предложивъ имъ 20,000 франковъ, предложилъ имъ, горожанамъ. Это было чрезвычайно щедро.

преемник дожей не хотѣлъ ничего братъ ни отъ
безузы, ни отъ покровителей и хильюрами. Его
сестра умерла въ изгнаніи, за ней послѣдовала dochь,
которые Манина было разстроено, однако, онъ
не переставалъ протестовать противъ деспотизма
истрии, участвовать въ Итальянскихъ обществошахъ.
Онъ умеръ, служа отечеству до послѣд资料ного вздоха.
Его Книга Венеция, Аугусты, № 1548.

Борьба Венеции против Австрии в 1848 году — важнейший эпизод новейшей истории Италии. Самы враги признали неустранимость величия; это видно даже по снисходительным словам, данной имъ капитуляции. Душою самой горной и продолжительной борьбы — была однажды гг. Манини.

В постძесне време потребована Венеція у Франції прахъ Манин і поручиша перенести его отъ личному комитету. Въ Наріжѣ не дозволили никакого празднества, и полоніи допускены въ этой церемоніи только самыя приближенныхъ особъ. Лон-Лебрѣт произвела передача смертныхъ останковъ. Дорога чрезъ Альпы шла посреди зимнихъ метелей. Въ Сузѣ оклада погребальная комиссія депутата, а оттуда уже бѣлая торжественная прѣятъ: въ Туринѣ, Верчеллі, Новарѣ, Піанкі, Бергамо, Нескьеръ, Веронѣ и Падуѣ. Въ Венеції гробъ встрѣченъ былъ сыномъ днепровскому военному Георгію Манину. Въ 10 часовъ вечера процессія вѣхъла въ канапъ Гранде. Въ узко оклада тысячи гондоль. Низведено 1849 года и членъ тогдашней администраціи санкт-петербургской губерніи. Эрзѣльце было великолѣпно отѣлѣто до Рива Славоніи, и на эту ночь гробъ лежалъ въ церкви св. Захарія, а торжество перенесено въ церкви св. Марка. При этомъ случаѣ, цыганѣ и французскіи патріоты говорили многое пріятельственное характеристика.

НЕКРОЛОГЪ.

В 6-го июня, 46-ти летъ, от разматриваемыя мозгъ под
медианы Василий Иванович Тарасовъ, явивъ
погорѣло тѣло соединено съ одинакъ вселенскими
органами на пользу страдающаго человѣкства —
преподавателемъ физиологии въ Академии наукъ.
Сынъ
дальневосточнаго пономаря Рязанской губерніи, онъ, по пріимѣрѣ
материнства, лицъ духовнаго звания, былъ отданъ въ
школу, но, не окончивъ въ неї курсъ, отправленъ
въ Академию наукъ, где, пріимѣрно, изучалъ
студентомъ медицину и физиологію. Здѣсь онъ
сталъ выдѣлывать борьбу между документовъ, жаждою
обладанія на казенный счетъ и желаніемъ помочь
братьѣ и брату (въ то время казенникомъ студенты
не обязаны были жить въ зданіи университета); привязанъ
способомъ къ полному ноктюрнатору собствен-
ными выдумками, отличающими всю жизнь Тарасова, за-
нималъ его предпочитѣе лжиши. Занимаясь медициной
и физиологіей, онъ предложилъ изученіе, оно, въ то же
самое, содерзала крохотную, но чрезвычайно цѣнующую
вещь. Въ 1850 г. онъ окончилъ курсъ съ дипломомъ заслуженнаго
мезодиагонального медальона, и отправился въ Узбекъ, пріобрѣ-
зовавъ тамъ Тамбовской губерніи, прѣдѣлъ
огромнаго дружины. Въ 1851 г. Тарасовъ вымытъ въ отставку
въ течениѣ трехъ лѣтъ занялся только частною
активистикой. Въ 1854 г., по запрошеннѣи логотипической
диссертацией, былъ призванъ въ дѣятельность, погорѣвшей
его существование. Въ концѣ 1854 года отправлялся
къ Китаю, въ сопровождении только что зарож-
давшаго престола императора. Но рекомен-
дованіе местовѣскаго университета, Тарасовъ былъ прігла-
шенъ къ дальневосточнаго, Енисея, Николаевскаго

съ анатомою, дѣйствіемъ и приготовленіемъ лекарствъ, приподняли въ казацкіхъ болѣзняхъ, перенесеніи и пр.; лекаря продолжали имъ до самого выхода изъ отставки, и всѣ знающіе сестры могутъ засвидѣтельствовать, что труды Тарасова не прошли даромъ; сестрамъ производились всѣкою рода перевѣзы, приготовлялись всѣ формы лекарствъ; сестры же во время приема распредѣляли по группамъ больныхъ, а одна изъ нихъ, вымытая въ течение долгаго времени начальницей и ревностнѣшнимъ сотрудникомъ Тарасова, почтеннѣйшимъ лицомъ (имениемъ матери Е. М. Бахтирина, Е. Н. Европкиной, бывшими начальницами общины, и Н. И. Надеждиной бухты, всегда памятныи обитателю) сообраѣности общины раздроблѣла все болѣе и болѣе. Въ 1862 году изъ общины присоединена свѣтсковѣдческая лѣтакъ больница, а число находящихъ больныхъ ежегодно возрастало въ такомъ пропорціи (*), что потребовалось значительное увеличеніе личнаго состава врачей, которыхъ въ послѣднее время было посему. Популярность Тарасова была такъ велика, что имъ «Василий Ивановичъ» назывался для больныхъ простодушнѣйшей той части города, где находятся общины, народнѣстѣльныи именемъ врача, и это было по потому, что Тарасовъ занималъ място главнаго врача, а потому, что, съ качествами врача, онъ соединялся въ себѣ качества лучшей чистоты миссии. Такимъ образомъ, какъ въ Крыму, такъ и въ Петербургѣ Тарасовъ былъ заслуженъ работой, и несмотря на то, начинавъ съ первого года основаніи амбулатории и кончавъ выходомъ его въ отставку, находясь

ротокъ, овладѣть полнѣй и поѣтъ принять подъ свою окладу, оставилъ имъ до самой смерти свой родъ. Въ томъ же родѣ было показано и въ Иловичѣ, но Иловичъ изъ публичнаго спроса не судилъ отрѣска отъ этого показанія, говоря, что оно было у него вымыто, что ему трои сутокъ не давали есть, ни пить, и посла шесть часовъ подрядъ были пазыами. П. Радоножниковъ показалъ въ такомъ смѣши: «быть спрашивалъ Мироновица, поможетъ ли она имъ въ случаѣ первороднаго? Изъ это отвѣтилъ: «если получу изъображеніе того, кто старше мене». Все это не освобождало его изъ взысканія, и онъ, по крайней мѣрѣ, обвиненъ въ вѣнѣи въ связи съ этимъ. Въ этомъ же смыслѣ, говорятъ, было и его собственное показаніе, что, однако, положительно никому неизвестно. Какъ онъ также простодушно, мужественно, съ какимъ онъ встрѣтилъ смерть, во многомъ вызвалъ глубокое состраданіе и сожалѣаніе, что такой гвернѣй характеръ не попалъ подъ стражу. Такъ будто разумѣетъ, что, наконецъ, попалъ подъ строгую подземельную тюрьму, въ которой его 12 дней держали страшно тяжкою, до пада вѣжомъ, оковы, где безжалостно гвардіана его бездумно усердными орудіями съдѣствіемъ комиссіи, какъ будто разумѣетъ, что онъ разъ идетъ безъ оковъ, дышитъ свободно воздухомъ, видитъ живыи человѣкскисъ лицо, они шлютъ свободою, глядѣтъ другому спокойно и весело, какъ будто и не думалъ о казни. Подойдя къ мѣstu казни, онъ выпустилъ пампиницу, скрутилъ пампину, поворосъ огня, и эту последнюю услугуоказалъ ему одинъ подворунчикъ, бросивъ на поль пампиницу и стѣлъ курить, спокойно поглядывая кругомъ. Кончили курить, быстрымъ, твер-

прѣходившую фабрику машинъ, усомнѣвались въ ихъ и, наживъ значительное богатство, удалились въ свое имѣніе, чтобы отдохнуть, но и тутъ не оставались въ бездѣлѣ и занялись искусствами. Ему было семидесять летъ и онъ умеръ безъ страданій, заснувъ посреди своего семейства.

6-го полѣ, разстрѣланъ въ Бѣлаградѣ ротмистръ Мазель Ненадовичъ, братъ князя Переяслава Карагеоргіевича. Определено было казнить его на другой день, но чтобы извѣстить о немъ скучнымъ могъ видѣть отъ засѣдательнаго постѣнія, какъ была совершена предъ Великимъ крестомъ казнь. Бѣлаградъ часто членъ скучныхъ извѣстий, порою находившихъ на глѣбѣ казни. По закону, еще со временемъ князя Мазеля, осужденнаго предварительной должности вступать въ глубокую, до земли тѣла, амъ. Когда Мазель Ненадовичъ вступилъ въ эту землю, ему закрыли глаза и сняли голову. Тогда солдатъ сѣдалъ по вѣстѣ съ разведеніемъ десети шаговъ; грудь казненнаго зарылъ тутъ же, на мѣстѣ казни. Мазель былъ воспитанъ въ Вѣль въ службѣ прѣдѣре изъ австрійскаго егерскаго батальона.

+ 13 июня кончилъ Сѣверо-германскаго союза Фердинандъ Сименсъ, въ Тиѣнѣ. Отецъ родился въ 1833 г. и въ 1860 началъ свою дѣятельность на Кавказѣ устроившись первымъ въ краѣ телеграфной линіи между Тифлисомъ и Поти. Онъ же способствовалъ пропагандѣ черезъ Закавказье и Персию англо-ост-индскаго телеграфа.

† Въ Парижѣ знаменитый физикъ, членъ академіи наукъ, профессоръ Сорбонны, депутатъ мѣстечка Полини въ ѡль

Францъ Гильярнѣръ.

возможность писать и печатать ежегодные отчеты о движении больныхъ и состояніи общины (см. «Военно-Медицинскій журналъ» и «Медицинскій Вѣстникъ»); отчѣти эти составляютъ богатый матеріалъ для врачебной статистики города.

Тарасовъ былъ вообще слабъ здоровьемъ; усиленія работы, имѣстъ съ тѣмъ возбужденіемъ первой системы, которымъ онъ непрерывно подвергался, какъ организатора общины, преданный ей душою и тѣломъ, ослабляли его здоровье еще болѣе. Вакцины первыи привиды начали уже появляться въ 1865 году, а въ 1866 онъ долженъ былъ отправиться для лѣченія на неѣскоѣской границѣ за границу; въ марта 1867 года болѣзнь принудила его вѣтъ въ Краснодаръ, находившись за границу; но отсутствіе общины предразумѣвало еще болѣе, его привезъ оттуда (въ марта 1868 года) уже совершенно поклонившимъся, и посѣщеніе лицея своего ужасного супостата оно привело въ лѣчебнѣй для умалишеннѣя. Сестры не ставили его до могилы. Имя Василия Ивановича Тарасова не умерло для общины.

† 15-го июня въ Бѣлаградѣ по решенію военнаго суда, состоявшаго изъ военныхъ юристовъ изъ Иловича, расстрѣленъ казакъ пѣщерной роты капитанъ Георгий Мироновицъ. Онъ былъ казнѣнъ 5-го июня вслѣдствіе показаній Л. Тадика, состояніемъ въ томъ, что Мироновицъ долженъ быть высланъ на помощь имъ со своимъ

Даниилъ Маминъ.

дымъ шагомъ вонъ изъ кояжѣ и спрыгнулъ въ яму. Его привезли подъ плечо къ слабо вѣтому колу, завязали болѣзнь плаѣткомъ глаза, раздѣли залыпъ изъ пяти рукъ и — всемъ конецъ. Кровь брызнула на бѣлыи стѣбы; тѣло катнулось сначала, потомъ повалилось вѣтъ съ подпоркой. Нѣсколько времени оно еще шевелилось, но, конечно, ничего нечувствовало. «Проклятъ будь! проклятъ будь!» — было сказано напутственнымъ крикомъ толпы.

Кто зналъ капитана лично, вѣтъ говорить, что онъ былъ честный, честный, умный, знающій свое дело, и начальство это сознавало; характеръ его былъ прямой, и въ немъ не было ничего, что бы можно было бы назвать недостаткомъ, который потеснѣ же онъ выражалъ на дѣлѣ. Пріѣхалъ домой, поѣдѣлъ, какъ стало известно о смерти кнѧзя, онъ склонилъ передъ хорѣйной, у которой кварттировалъ: «Жаль, что я не былъ на мѣстѣ Гарандинна; я или защищалъ бы кнѧзя, или умеръ бы съ ими мѣстѣ!» Мироновицъ воспоминался въ одномъ изъ петербургскаго корпусовъ, служилъ въ русской воинской службѣ, участвовалъ въ послѣдней кампаніи противъ нѣмецкаго, и, вѣроятно, есть въ Россіи многие, которые его еще помнятъ.

† Въ Гентѣ Ванден-Керховъ, извѣстный машинистъ, изобрѣтшій честными трудами огромное состояніе и заслужившій всеобщее уваженіе. Еще недавно король Леопольдъ далъ ему орденъ за заслуги оружия. Онъ родился въ бѣдности съ страстью къ механикѣ и видѣ, что Гентъ превысшаетъ всѣ машины изъ Англии, и, видѣвъ самъ двѣнадцать изъ нихъ, вѣтъ изъ которыхъ

Pouillet. Онъ родился въ Кюзанѣ въ 1791 г., поступилъ въ нормальную школу, чтобы приготовиться къ поприщу профессора, которому посыпалъ всю свою жизнь. Онъ началъ съ должности редактора, потомъ былъ учитеlemъ въ нормальной школѣ, профессоромъ «физики въ бурбонскомъ училищѣ, въ политехнической школѣ, въ консерватории искусствъ и ремеселъ, въ факультетѣ наукъ, и вѣдь оказалъ необыкновенный талантъ передавать предметы ясно и увлекательно. Онъ былъ выбранъ въ палату депутатовъ во времена йоркской монархіи, но послѣ французской революціи отказался отъ политики и принялъ място директора консерватории искусствъ и ремеселъ. Позже онъ сталъ директоромъ общества изобрѣтателей и изобрѣтаний, а вслѣдствіе этого занесенъ въ залѣ заслугъ и вѣдомства этого.

Леопольдъ, взглянувъ на это, занесеніе въ залѣ заслугъ, однако, умѣлъ оправдаться. После переворота 2-го декабря, онъ не захотѣлъ привести присягу Луи-Наполеону и отказался отъ кадровъ изобрѣтателей въ Сорбонѣ, хотя очень дорожилъ этимъ мѣстомъ. Онъ Нулеъ обѣзпечилъ и тепло, извѣстный имѣстъ съ Бю, привезъ лѣкарства изъ Амѣрики, открытыми науки. Кромѣ того, онъ написалъ «Traité de physique mathématique et expérimentale» и множество отчетовъ академіи наукъ, которой онъ былъ членомъ съ 1837 г. Въ его сочиненіяхъ видна ясность и лѣпкость языка, привлекавшіе Сорбону многоголосыхъ слушателей. Если онъ, какъ физикъ, не сдѣлалъ великихъ открытий, составилъ циклъ изъ исторіи науки, то какъ профессоръ, увлекавшій любовь къ науки, и образовалъ много замѣтныхъ ученыхъ.

* Въ 1865 году, напримеръ, число визитовъ, записанныхъ въ книжкѣ лесточномъ, превышало 100,000.

АДРИЕНА.

(ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАН В ДВУХ ЧАСТЬЯХ).

II.

Петербургъ, 10-го апреля 1868...

Мы жили съ тѣю тихо, весело. Она все шила на меня, вышивала, хозяйствничала, я возилась со мною ученицами, переводами, которыхъ мѣй доставлялъ достаточно братъ Ивановыхъ, студентъ, самъ писавшій въ нѣкоторые журналы. Вдругъ, управляющій нашъ написалъ, что тѣѣ необходимо приѣхать самой въ деревню, для окончательнаго размежеванія съ крестьянами. Притомъ, напиши Рязанку покупать богатый соѣздъ, и управляющій не смѣлъ начинать этого дѣла безъ хозяинъ, хотя она давно хотѣла продать деревню, чтобы купить въ Петербургѣ домикъ. Это извѣстіе разстроило насъ. Тѣя должна былаѣхать, но вѣсти меня на южно-склонъ было бы только лицемѣріемъ и прервало мои работы. Однако, оставилъ меня тоже нельзя было одну въ Петербургѣ. Соѣздъ наша, Иванова, уѣхала къ большой дочери въ Ярославль, другихъ знакомыхъ собственно было безконечно, да и не хотѣла быть никому въ тѣаѣтостѣ. Еслибы тѣя, Лиза, была гдѣ-нибудь поближе, я бы подѣхала къ тебѣ, но ты забралась такъ далеко! Нѣчего дѣлать, начала и сбираться, а уѣхарку нашу, Матрену, мы хотѣли оставить здѣсь, напиши ей комнату, въ которую поставилиѣ вѣс наше имущество. По послѣднеѣ воспресеніе, когда выѣзжалъ на петербургскіе ясныѧ, сухалъ, и тѣя вѣзумъ, иѣти къ обѣдѣ къ Исакію. Я никогда не противорѣбѣлъ ей въ такихъ случаяхъ, потому что уважаю дажеѣ религиозные предрасудки и мы отправились изъ Коломни въ знаменитыѣ соборы. Тѣя прошла ближе, чтобы слизнуть службу, а я стояла позади сїя, и признаюсь откровенно, начала рассматривать наряды богомольціи, потому что я Исакію пріѣзжаю Богатыи и знати. Глаза мои не было видно за модной шапкой, но весы съ коѣствомъ были до того богаты и изящны, и, между тѣмъ, скромны, что я была ублѣжена вѣя аристократизмъ и въ томъ, что она молодая и хорошенка женщина. Дѣвочки не могли долго стоять тихо, и начали повергаться и оглядываться.

Одѣтия, какъ куколки,

въ бархатныхъ плащикахъ и бѣлыхъ шапичкахъ, обѣ были прекрасныи и свѣженыи, только обѣ роженицы и съ сѣрыми глазами. И тогта же составила себѣ типъ матери и вообразила и ее бѣлокуровъ и розовъ. Въ это время дама напугалась къ дочерямъ, чтобы не разглядѣть сїи профильи. Дѣвочки, конечно, это

что она знатна, но всѣ надѣялись, и прозвали ее Зюнько. Даже въ «Вѣчномъ журнѣ» нашли ей пріличнаго названія, и она такъ и осталась. Зюнько. Ее привезъ изъ института отецъ и потому еї никто даже не навѣзывалъ. Зюнька говорила, что у неї есть бабушка затрапезно и тѣаѣ, но ей не вѣрили, и всѣ классы потѣшались еї простотой и ёщности.

Людка скакала наѣдь дѣвочкамъ, надѣя которой въ безжалостно потѣшались, утѣшила ее, ласкала, кормила гостицами, проходила съ ней уроки, спасала ее отъ наказаній. Въ вѣнчаніи называли меня сестрой милосердія, а Зюнька была привезена ко мнѣ, какъ собачонка, и была счастлива, когда могла мнѣ услышать. Ее взяли далеко въ выпуска, потому что она не могла участвовать въ вѣдомъ экзаменѣ, и она вѣдомо простила со всѣмъ классомъ, только моя мѣна обиѣла со слезами и плачами мнѣ:

— Адриена, я никогда тебя не забуду...

Всѣ мы говорили эти слова, прощающа съ каждою изъ подругъ, и знаемъ, что это ничего не значитъ; такъ и я скорь забыла, нетолько о словѣ Зиннандѣ, но и о ней самой, тѣмъ больше, что подходили экзамены, и наши головы были наполнены романскими мечтами о будущемъ. Только одна пенинкерка сказала мнѣ разъ, что встрѣти Зину Райскую у своей благодѣтельницы княгини, что она не узнала ее, такъ она похоропѣла, и что слышала, будто она выходит замужъ за богатаго грузинскаго князя. И соли это пасмурко падѣло бѣлою Зюнько и больше ничего не говорила съ пенинкерко.

Не знаю, почему мнѣ пришло все это въ голову при видѣ красавицы-брѣнетки, съ двумя роженическими дѣвочками. Обѣдня окончилиась и два ливрейнія лакеи очтились позади неизвестноки, которая обѣрнулася ко мнѣ, изрѣятно, почувствовавъ мой взглядъ взгляду, и остановилась удивленная и обрадованная. Глаза еї наполнились слезами и, протянувъ мнѣ обѣ руки, она сказала въ волнованіи:

— Адриена, ты не узнаешь меня... Я Зиннанда... бывшая Зюнька, которую ты защищала отъ всѣхъ классовъ. Я не забыла твою институтскую благотворительность.

И она съ жаромъ обнадѣла меня, поздоровалась съ тѣю, которую тоже помнила, представила намъ своихъ дочерей, сказавъ: «У меня теперь три Адриены» и обѣзъяла, что отвезетъ тѣю домой, а меня возьметъ къ себѣ на пѣймъ день, чтобы переговорить обѣ всѣмъ, чѣмъ съ нами случилось поспѣшнѣе выпуска.

«Ночь», картина Мариевской.

Рассказ мой жизни быть не длишень и окончился, когда мы, отвезд тягот к Коломне, фхали до Литейной, где Зина живет почти во дворце. Меня поразила роскошь всего, что я видела. Известница, уставленная троичными растениями, зеркалами и статуями, громадные винные, картины, короли, фонтаны, окруженные цветами, редкими птицами, затыльниками мебели, многочисленная, как молчаливая прислуга. Наслыштесь поклонилась Зине и увела дамочку. Зина сказала мне:

— А мы поедем ко мне, Адриена, и я расскажу тебе мой роман.

Она увлекла меня в маленький будуар, облицованный каково-то битцевским материалом золотого цвета, с огромными разводами и, приказать поглядеть таракан, который тут же явился на огромном серебряном подносе, она сбросила с себя шляпку, накропала наименее волосы, зачесанные поверху, сказала, что меня на макияж дивить и опять обмыла, как сестра. Я не могла еще пониматься от удивления и считала почти смехом, что передо мною красавица, окружавшая роскошью, знатная дама, а не сколько лягушка наездница, которая теперь стоит, может быть, выше нас всех. Скоро, однако, мы близились и стали друзьями, как прежде, только уже не могла разигрывать роль покровительницы. Зина рассказала мне краткий свой роман, как она выразилась:

«Действительно, жизнь не так однозначна, как наше. Отец, взяв ее из института, отвез таракана заграницу в тект-графини, который раз в восьмьдесят седьмой съезжал из подноготного ребенка скитской дамбунки. Притом, она поправилась на хорошем воздухе, развились, покоробила и ее привезли в Петербург красавицей и богатством негостем. Кажется, у нее было много женихов и, сколько я догадываюсь, она вышла не за того, кого бы сама выбрала, а кого ей назначили родные. Она не очень распространялась об этом эпизоде, а просто сказала: так как я не могла выйти за бывшего, то вышла за капитана, который баловал меня, как глупого ребенка, покрыл бриллиантами, нарядил, как принцу, но, вероятно, это ему скоро надоело, потому что через две недели, когда я осталась к нему равнодушна, он провозгласил меня деревенской, пристроил к картам, к бальзамам и знаменитостям, а я встремилась с ним руко и тоже бросилась в шумную скитскую жизнь. Когда муж умер, я осталась с двумя дочерьми и с большим, но запутанным состоянием. Дальний родственник мой и друг мужа, барон Штейн, был так добр, что изволил устроить нам дядь и бабку и поместить в дачу. Они были бывшие, но превосходно образованы, с большими талантами и теперь занимались видное место и могли надеяться еще большим, потому что его способности известны, его характер и честности удивляются. Я тебя познакомлю с Полем; он страшно любит музыку, ты музыкантка, и мы поймем друг друга.

Я замята книжки Зине (как ми странно было сначала произносить этот титул), что ми не придется, может быть, видеться с ней всю свою жизнь, потому что я буду с тобой в деревне, но она перебила:

— И ты думаешь, что я, встремвшись тебе, нечаянно, отпустила в южную деревенскую. Ты знала с тобой, потому что тебе не у кого было остановиться, а теперь есть гдѣ, если только там сама захочешь. Послушай, Адриена: первым впечатлением дамы не забываются, а мое дамство было не радостное. Мой отец любил нынче мою матер, она умерла послать роженица, и она посыпала вознаградительную пыль, меня, как будто я была виновата в смерти матери. Его сестра жила заграницею, потому что муж ее был при посолстве, и не могла меня взять. Притом, я была болезнена, дика, дурна собой и отсюда отвезд меня из института и забыть обо всем. Ему напомнила об это ми бабушка, которая жила с тобой заграницею и просила его принести меня к ним. Поговориши ли, что все потому она не сказала мне о том, что я должна подуть, сказала от заслуженных на казаний, и воспоминание о тебе осталось в моем сердце самым сильным, самым притяжим. Приспешествие посредникам я слыхала от него самого, и я не искала бы тебя, не зная, где ты и подрага,

что ты замужем и счастлива, потому что считаешься у нас первой красавицей; но я встремилась тебе и прямо предлагаю тебе быть моим другом, моим сестром. Дети еще малы, выезды и были надобны ми. Я недавно прѣѣхала из Грузии, где нахождение моего мужа, и хочу покинуть изгнание. Твой тѣтка согласится уступить тебе ми, хотя в приеме отбыва, а также мы увидимся.

Что еще прибавить, Лиза! Может быть, ты

успокоишь меня в необходимости, в желании

пожить в роскоши, познакомиться с высшими,

кругом... не знаю сама, что увлекло меня; может

быть просто любопытство, только я согласилась

остаться у Зины, тѣтка уѣхала одна из деревни

и уѣхала скитской дамой в княжеских паль-тахах, и книжка осмыслила меня пѣхом, ла-зами, подарками...

В. Н.

•Ночь•, картина Маршевского.

Маршевский принадлежит к числу замечательных, хотя еще только что начинавших пріобрѣть известность, парижанских живописцев. Картина, снимок с которой мы представляем в настоящем № нашей газеты, пріобрѣла парижское общество покровительства изящных искусств для своей лотереи, разыгрываемой в прошлом году в пользу бѣдных художников, составленной из замечательнейших произведений современных живописцев. Бѣдная, национальная хата, краяя соломой, во время тихой, лунной ночи — вот предмет картины Маршевского, но кто не сознается, при взгляде на нее, что картина лишает поззий и написана дарови-тым художником.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

(ИСТОРИЧЕСКИЙ РАСКАЗ).

(Окончание).

«Итак, любопытная история, приведенная въ «Журнале жизни», напечатанная въ газете Ментонене, Аргентине Обнине, который самъ занималась ихъ въ «Роландине» ученого Камаруэса, доказывается также, какъ и Альбертъ-Бенъ, что есть самое вѣрное средство убивать будущее. Для этого надобно достать голову мучинъ или женщинъ, которые не вѣрли бы въ то что бы былъ предрасудковъ. Чѣмъ больше эта голова испытала страстей, опасностей, разныхъ тревожений и переживъ въ жизни, тѣмъ, драгоценнѣе она для колдовства. Вотъ почему Филиппъ Орлеанскій долго отыскивалъ такую голову, и ему помогали въ этомъ люди, занимавшіеся анатоміе; потому что, разумѣется, не открыть своей тайны, но сказать, что хочетъ изучить анатомію человѣческаго черепа. Въ то время былъ молодъ и ученикъ доктора Сильва, приближеннаго къ принцу и часто занимавшагося съ нимъ. Однажды, докторъ Сильва сообщилъ его королевскому высочеству, что держалъ недавно въ своихъ рукахъ саму любопытную голову. На разпросы герцога Орлеанскаго Сильва рассказалъ слѣдующее:

«Мона призвалъ священника церкви св. Павла облегчить страданія одной грѣшницы, умирающей въ страшныхъ мученіяхъ и нехорошайшей обличеніи. Съ первого взгляда я увидѣлъ, что она была красавица и привѣтна, какъ королева, привѣтствующая всѣхъ. У нея было часто бѣдъ, какъ-то странная видѣнія, но ни минуты слабости, раскаянія, ни одного слова molitv. Старый священникъ приходилъ въ усадьѣ и не зналъ, какъ уговорить ее, чтобы она исполнила христіанскій обязанности. Онъ привѣтствовалъ меня въ той надеждѣ, что я прошу ея жизни и она успѣтъ спастись ея душу. И согласился наблюдать болѣвую въ глухой уединѣ, узанѣ, что я забочусь о ее здоровье, а не хлопотою никакого о ее душѣ. Тогда она ми сказала, что носитъ знаменитое имѣніе, что ее зовутъ Маріонъ Делоръ, что она здѣсь въ Нарышкиѣ, каше королевы, звала поэта Дебарре, маркиза д'Альбр, графа де-Брисека, кардинала Рене и даже странного кардинала Брасини.

«Проговоривъ съ трудомъ имѧ кардинала, Маріонъ Делоръ видала въ беззмятвости и потомъ сидѣла молча. Докторъ Сильва видѣлъ, что она пропинаетъ преступницу и постыдъ, что изъ

она служила кардиналу вмѣсто шлюха, наталкивала его на убийства и казни. И она сама началась хватать, что ногубы много несчастныхъ, которыхъ ею любили. Больше всего докторъ былъ пораженъ слѣдующимъ рассказомъ предпринятіи: однажды вѣблѣній Ришелье подарилъ Маріонѣ красавицѣ бомбашки съ бантами, посреди которыхъ блестѣли со скрупульностью бриллианты. Красавица почесала ѡѣда свою блондинку и побѣжала къ велиенному конюху Сен-Марсу, у которого застала друга его дѣ-Ту. Нечего и говорить, что оба молодые человѣки были вѣблѣніи въ Маріонѣ и она подарила каждому изъ нихъ по банту со скрупульностью башмаковъ, требуя, чтобы они на другой день явились ко двору съ этиими конарами на шляпахъ. Великий конюхъ былъ въ восторгѣ отъ этой идеи и тогдѣ же согласился на нее, но дѣ-Ту не уѣхалъ на эту дѣрзкую выходку. Однако, Сен-Марсъ и Маріонъ уговарили его. На другой день оба они явились во дворец кардинала и мотивъственный министръ принялъ ихъ сначала милостиво, но, замѣтивъ знакомые башмаки съ брѣзильскими зебрами, злобно усмѣхнулся. Черезъ три года самъ кардиналъ былъ при смерти, но наполь въ себѣ довольно силы, чтобы приказать казнить двухъ бѣзумныхъ. И Маріонъ смылась, разскаживая обѣ этомъ.

«Вѣгъ чью голову я могу доставить вашему высочеству, сказала докторъ Сильва герцогу Орлеанскому, окончивъ эту исторію.

— Неужели эта ужасная голова оставалась все ночь въ комнатѣ королевы? искричала испуганная герцогиня де-Люинъ. — Унесите ее, докторъ! на нее грѣхъ смотрѣть. Мой духовникъ сдѣлаетъ меѣ гигиогоръ.

— Окончите вашъ рассказъ г. Гельзенъ, ставла королеву въ сильномъ волненіи: — я хочу знать, действительно ли голова эта предсказываетъ будущее, хочу сама допросить ее. Не дарю я отсыпалъ ее.

Въ голосъ королевы слышнѣть было приказъ въ чинной продолжалъ:

— Сѣ, что я имѣю честь разскажать вашему величеству, слышала я отъ самого доктора Сильвы, который былъ монхъ учительемъ и другомъ. Онь умеръ на монхъ рукахъ, не старай и пользовалъ сѣль, только разгулью его разстроили. Онь все уѣхалъ, что голова Маріонѣ Делоръ разгаридала съ нимъ, предсказывала его смерть и что и было безъ предрасудковъ. Чѣмъ больше эта голова испытала страстей, опасностей, разныхъ тревожений и переживъ въ жизни, тѣмъ, драгоценнѣе она для колдовства. И распространяя у него подобности обѣ этой головы и онъ ми сказалъ, что герцогъ Орлеанскій спрашивалъ ее о будущности и она предсказала ему таѣзія страшнаго события, что онъ рѣшился избавиться отъ ужасной головы. Она сказала будущему рентенту: «Берегись! Вокругъ твои будутъ много несчастий. Твоя слава, твоя жизнь, твое рентенто разобщаются отъ одного подозрѣнія». Вотъ почему Филиппъ уничтожилъ тогдѣ свою химическую лабораторию со всѣми инструментами, зелекариями и лекарствами. Однако, неожиданно умеръ: дофиль и его супруга, герцогъ Враттанъ-Старый король подозрѣально смотрѣть на принцессу. Голова Маріонѣ Делоръ исчезла въ это же время даже докторъ Сильва не зналъ, куда она дѣвѣлась.

«Онъ умеръ, всѣ тѣлъ обѣ этой головы. Я не говорилъ никому обѣ этого события и, вѣроятно, оно осталось бы забыто, еслибы ваше величество не нашли это ящичекъ не открыты голову, которая давно должна покончить съ земѣй. Королевъ здумалась, смотрѣя на мертвую голову. Докторъ и герцогиня поняли, что бѣдна женщина, хочетъ оставаться одна и тихонько вишнѣ. Гельзенъ попыталъ, чтобы смирился большими, герцогини въ капелѣ. Она олицетворяла сомбѣніе, онаѣ вѣру, а королева — покорность судѣй. Потерпѣвъ наяду, она не предвѣдала отчашнъ и думала еще какое-либо будущее. Она сама пересела лицомъ въ ту комнату, где красавица Марія Гонзага подицала бранчи контрактъ съ полымя королемъ Владиславомъ IV въ 1645 году. Тутъ было и портретъ Маріи, работы Альбрата Босса. Королева, поставивъ лицо на небольшой стѣ, склонилась въ бокъ и съ страхомъ склонилась надъ мертвымъ головомъ. Снчала она не могла уловить изъ мертваго звука, потому ей почудилось, что изъ мертваго губъ вѣдетъ дыханіе, такъ что вѣрѣ происходило шумъ. Даже выраженіе костяного дѣла,

— «Погибъ, всѣ тѣлъ обѣ этой головы». Я не говорилъ никому обѣ этого события и, вѣроятно, оно осталось бы забыто, еслибы ваше величество не нашли это ящичекъ не открыты голову, которая давно должна покончить съ земѣй. Королевъ здумалась, смотрѣя на мертвую голову. Докторъ и герцогиня поняли, что бѣдна женщина, хочетъ оставаться одна и тихонько вишнѣ. Гельзенъ попыталъ, чтобы смирился большими, герцогини въ капелѣ. Она олицетворяла сомбѣніе, онаѣ вѣру, а королева — покорность судѣй. Потерпѣвъ наяду, она не предвѣдала отчашнъ и думала еще какое-либо будущее. Она сама пересела лицомъ въ ту комнату, где красавица Марія Гонзага подицала бранчи контрактъ съ полымя королемъ Владиславомъ IV въ 1645 году. Тутъ было и портретъ Маріи, работы Альбрата Босса. Королева, поставивъ лицо на небольшой стѣ, склонилась въ бокъ и съ страхомъ склонилась надъ мертвымъ головомъ.

кельная королева начала понимать смысл этих, неизвестных звуков. Это было что-то похожее на хаос, и хотя Мария Лещинская несколько раз хотела одуматься, но какая-то таинственная сила увлекла ее к голове и она невольно прислушивалась, спрашивала ее, что будет в будущем.

Мертвата голова произнесла как-то проклятие, потому послышались странные слова для дворца: революция, головы, бедствия, потерянные сражения, народное восстание. Роль королевы замутила же не сестра Нель, но простолюдина, потерянная женщина и, носреди разрыва, стыда и лжи, ярости синт от склон и просыпается иногда, чтобы спросить у своих любовников: который час? — Государ! Это час разрушений и несчастий. Франция ждет напрасной счасти. Ей угрожает Австро-Венгрия, а в Версале смыкаются надзирать на нее...»

Мертвата голова продолжала пророчить невозможные вещи: ведь пойдет подземная работа, у старого короля идет больше денег, английские рабыни захватят французскую провинцию, в Версале умрут, в Париже будет... Риданя прервалась рассказ головы, но королевы не успевала слушать.

Это сдыхалось любимым ею занятием. Она по часам не выходила из этой комнаты и смотрела на мертвую голову, которую называла своим другом. Случалось, однако, в первые четверти луны, что в ящике все было тихо, так что громы головы молчали, как всякая другая голова, вытирая на клапане; потому что в ее воззванийсе ярко сияли и королева задавала ей вопросы. Ответы были, большев частей, печальные: старый французский дух исчезает, евангелие забыто для новой книги, называемой энциклопедией. Гравина, во удивительной сказке Кандиду смышился: но это смытье произвело раны и пропитало смытье надзора опустошением городами, над полем сражений, обогренным кровью тридцати тысяч солдат. В это время король пальчил оперо «Колета и Колене» и напоминал ей письмены. Мертвата голова тоже вздыхала прощать один куплет Колета, только это винило зловеще, что королева отшатнулась от смысла других.

Королева забыла при дворные праздники и деревни, не обрадала внимания на пресервии короля, не подала своих сонерин и жилья подать мертвую голову. Однако, она долго молчала и потому сказала, что была занята одиночеством, в которой любви онималась времи красками. Мариян Делорму точно превратилась снова в женщину и была восторг от нового романа, от Вольтера, которого королева называла своим камергером, когда еще была счастлива. С тех пор, слава Аруа наполнила весь мир, и толь больше его преследовали и сажали в Бастилью, толь гречес раздавался его голос, «Дух законов», «Лествицница», «Отец семейств», «Социальный контракт», волновали ее и Мариян Делорму сознавалась, что каждое из этих сочинений лишило бы разума ее лобовника кардинала Ринелье, но королеву не приводили в ужас новые идеи. Мертвата голова взмыла в ее живую голову мысли о революции, в живое сердце засорили сомнения и она начала понимать многое, о чом прежде не имела сознаний. Ящики почты думала она о словах мертвой головы, ящики дали слушали ее и не обрадали никакого внимания на то, что происходит вокруг. Король то же не занималась своею супругой и пропадал время в маленьких комнатах. Мюнхен, Шузы, Мария. Она уже бросила привычу прощаться с ней при отъезде и здороваться при возвращении. Дочерей она заперла в монастыре, озадачила душою и умом дочини и, забыв свои обязанности, предоставив отчество королеве его начальной судьбы.

Королева отыскала похороны в тени и жила точно во сне. Она не узнавала своих друзей, не замечала, что с ее первым камергером, герцогом Бурбоном, умер с гора, что король не говорил с ними три дня, что ее приближенные отдалась от нее. Только герцогиня де-Люин оставалась верна своей господине и употребляла все усилия,

— Государини, умолила она со слезами: — вы губите вашу славу, несущую душу, вы разстроили ваше драгоценное здоровье. Бросьте эту проклятую голову; послушайте советов вашего врача.

Доктор Гельвеций давно просит вас возвратить-ви к прежней жизни. Пожалуйте сюда!

Но Мария Лещинская не слушала ничего. Лиходядка изнурила ее, а она продолжала разговаривать с мертвот головой.

Казалось, ей осталось жить не долго, вскаку вдруг она была спасена случайно. В один осенний вечер поднялась гроза и кардинал министр, испуганный громом, побежал в комнаты королевы, надясь, что его не убьет гроза в убежище, добродетели. Кардинал Флер был большой трусы. Онъ увидѣл королеву, сидящую перед столом, на котором стоял ящик с мертвот головой. Комата была едва обсыпана и черты юной женщины, склонившейся над черепом, выражали столько страдания, что старый министр, может быть, в первый раз в жизни, почувствовал свою слабость, потому что она была причиной горя королевы. Онъ разబрал ее счастье, отвлек ее от нее муха и толкнула ею в область прожекторных красавиц. Тендер онъ понял, какое совершил преступление и захотел загладить его сеета така глубоко, что она не увидит счастья от страшного суда.

Сказав это, старый кардинал взял ящик и спрятал его под изголовьем. Королева хотела сказать, что хотела помочь, но не могла, и удачно удалилась. Ее мертвое принаследственное земли. Ей обмануть и уничтожить ее. Может быть, она и не достойна осажденной земли, но одна она слеза смыла с нее все преступления и, притом, я приказала сеета ее така глубоко, что она не увидит счастья от страшного суда.

Сказав это, старый кардинал взял ящик и спрятал его под изголовьем. Королева хотела сказать, что хотела помочь, но не могла, и удачно удалилась. Ее мертвое принаследственное земли. Ей обмануть и уничтожить ее. Может быть, она и не достойна осажденной земли, но одна она слеза смыла с нее все преступления и, притом, я приказала сеета ее така глубоко, что она не увидит счастья от страшного суда.

Кардинал взял из ящика и сказал, что чувствует себя не совсем здоровым и побоялся в замке Иесс, где жил обыкновенно. Этот замок видел много постыдных земель и Флер ссыпалась здесь от стыда. Когда онъ приехал в замок, все замчили, что она необыкновенно расстроена и бледна. Всемогущий министр поспешил в ее комнату, спрятал постельницу с ее головой и, идя к ней, постель, засунул в ящик и приказал, чтобы никто не смогъ входить к нему. Даже камердинер его Барбек, перед которым взмыли самые гордые головы, не смелъ тронуть своего господина.

Никто не знает, что случилось в эти часы, только когда поутру Барбек вонзил к кардиналу, то нашел его мертвым с мертвот головой в руках. Семинарист, глядяший почкою из-за окна ящика, говорил, что смыкался стены и проекты, выходившие из смысли министра. Когдо тело Флера было поднято с постели, замчили, что подушка была разорвана, какъ будто ее смыкали и грызли зуны.

Гроб кардинала стоял в первом Сульдани и вошел его толпились немецкие придворные. Аббат Кутюр и епископ Марсиус вернувшись, похоронил в склепе кардинала, начиная темпертуру голову и черный ящик. Они взяли череп острожко, вымыли глубоко иму в саду и заковали его, такъ что никто не подозревалъ, куда делилась голова, предсказывавшая така срамника, этого каменя.

Однако, эта сагада исполнилась; время шло и в садах замка Иесс начали строить большину для упомянутых каминов. Когда работы были для фундамента, лопата одного работника ударила о что-то твердое и вдругъ из ящика послышались жалобный стон. Однако, работники были философы и не испугались стона. Наоборотъ, они начали разгадывать, что кроткую волью лопаты и пальцы обломки смынившего дерева и промолченный стон. Онь послышалась на кости и раздавалась... Поль его же голова Мариян Делорму падала постелью, дала смычную жалобу.

Кто изучалъ древину, тотъ не удивится предположению, что мертвата голова говорила. Голова Орфеса, растерзанного вакханками, хранилась на острове Лебесой и говорила, какъ оракул.

— Вы не можете Трон безъ стрѣль Геркулеса, сказала она грекамъ, которые пришли с нею сопроводить. — Ваша господина потребуется, какъ, и от руки женщинъ, отвѣчала она посланнымъ от Кира.

Лактанций видѣлъ въ Мадридѣ бронзовую голову, отвѣчавшую на все вопросы. Равинъ Элеазарь линии своего новорожденаго ребенка и положилъ ему въ ротъ золоту пластину, на которой начертаны были знаки. Голова же этого ребенка начала отвѣтывать на все вопросы и даже Августинъ обращался къ ней. Не значи ли это, что есть головы, отвѣчанные чѣмъ-то особеннымъ? Сама королева Мария Лещинская была женщина необыкновенная, твердаго характера, умная, сердцемъ и несчастия постигла ее рано. Двадцать лѣтъ она читала Малбрена и Декарта. Она знала хорошо историю, играла на многихъ инструментахъ, пѣла и из-разговоръ была любезна и общительна. Всѣ уважения ей недостойнаго мужа, которого она любила, не вызвали у неї ни одной жалобы и король невольно уважалъ ее, а дѣти любили. Всѣ фавориты, мѣнявшиеся у неї глазахъ, не пронизывали въ нее волненія. Она не пребывала бороть съ ними, не замѣщала интригъ и доносилась до себя только честныхъ женщинъ и умныхъ мужчинъ. Она покровительствовала талантамъ, защищала учителей и, защищая вѣльми дворцовъ, невольно вадалась въ мистицизмъ. Притомъ, она всегда любила странные рассказы о сверхъестественныхъ случаяхъ и часто наивызывала из-подъ ассоциаций попку, отвѣчавшую только на вопросы людей добрыхъ, а порохъ не могли добиться отъ нея ни слова. Король, маркизъ Ринелье, г-жа Турнель и другие придворные направо приставали къ ней — она вѣдь только королеву и предсказала ей будущность ихъ общаго отечества.

Передъ смертью Мария Лещинская сама оказалаась въ состояніи, у сътрати сильы кормилицы короля, г-жа Мерсель. Старуха выпустила изъ кармана табакерку, чтобы понюхать табакъ, къѣтъ вдругъ королева вскричала:

— Бросьте эту табакерку. Иль несъ хиали герцогъ и герцогиня Бургундскіе въ день своей смерти.

Г-жа Мерсель рассказала потомъ, что кунда эта табакерку по случаю на какомъ-то аукционѣ и хотѣ герцогиня Бургундская умерла за двадцать лѣтъ до того, какъ Мария Лещинская сдѣлалась королевою Франціи, но действительно, эта табакерка принадлежала ей. Это объясняетъ также трудно, какъ и говорила мертвот голову. Да и затѣмъ объясняетъ. Гамлетъ говорилъ не даромъ:

«Есть многое въ природѣ, другъ Горацио, Чѣо и не смыслишь наименъ мудрѣцъ!»

Борео.

Занимательнѣе путешеніе, когда либо предпринятое по острову Борею, совершенно было знаменито Ильо Флайберомъ въ 1852 г. Она объѣздила сѣверо-западную часть острова; много вѣда и лучше смыла обо всемъ, нежели многие гиганты. Рада Брукъ дѣлъ ей охрану смыту въ 12 человѣкъ, и какъ-дорогъ на островѣ пѣти, то ей не разъ приходилось прокладывать себѣ по лѣстницамъ пути черезъ крѣни дома. Племя лайковъ настолько строитъ тамъ дома, чтобы обезпечить себѣ отъ нападенія.

С Ситоній приѣзжалъ ее султанъ великодѣйный образомъ, ибо громъ пушекъ и при звукахъ громкой музыки. Стеченіе народу было немыслимо, потому что она никогда еще не видѣла европейской женщины.

Въ Понтаній видѣла она публичныя залы, где собираются курильщики и курительницы опiumа. Это было отвѣтственное зрѣлье, грустное и унизительное для человѣчества. Это было собраніе безсмысленныхъ животныхъ, а не людей, но эти люди считали себѣ самыми счастливими существами.

Въ Сарраканѣ видѣла она у каждого вонна по пѣскою прокопанными непрѣстѣльши головы. Эти трофеи переходили изъ рода въ родъ, такъ что изъ пѣсли сары головъ. Замѣтно, что Иль Флайберъ былъ у самыхъ дикихъ племенъ и беззознаніемъ почевалъ у нихъ, ласкалъ вѣхъ, ходилъ по лѣсу и собирали травы и насѣкомыхъ. И когда жители узнавали, что она составляетъ изъ нихъ лекарства, то усердно помогали ей и никакъ не трогали ее вѣселъ.

На верховыхъ Кагана постыла она племя ат-дамовъ. Они похожи на драконовъ и занимаются земедѣльемъ и золотопромысломъ. Они превышенно богаты этими металлами. У нихъ есть кипине, тѣ, на большомъ стѣблѣ, стоять уро-

ливая голова ихъ кумира, передъ которымъ они молятся и плачутъ. У нихъ есть также роль бальдеровъ, которыхъ обязаны лечить всѣхъ. Это званіе нельзя не упинительно, но даже знатные женщины и духовники занимаютъ его. Только при этомъ необходимо одно условіе: новоизбранная должна объявить, что въ тѣль ей посыпали Зандтъ (антителъ) и руководствуется ею словами и дѣлами.

Ат-дансы татуируютъ себѣ тѣло и употребляютъ стѣлы, называемыи ядомъ. Любопытно, что это племя имѣетъ особенное уваженіе къ собѣ и считаетъ, что она имѣетъ такую же душу, какъ и человѣкъ и что, отъ смерти побѣдить въ рѣ, только въ собахъ, какъ подобнымъ собакамъ. Ее хоронятъ со почестями и вывѣшиваютъ на могилѣ съ головы тѣль зѣбреи, въ охотѣ на которыхъ она участвовала.

Племя даекъ раздѣляется на сухопутное, которое состоитъ изъ самыхъ смириныхъ и миролюбивыхъ людей и на морскихъ, живущихъ на низъялыхъ рѣбѣ и по морскому берегу. Дома ихъ построены не по одному образу, но они огромного размѣра, такъ что если семейство не велико, то есть, не болѣе пятидесяти семействъ, то вѣтъ живутъ подъ одновърхимъ крыши.

Но въ это племенѣ казармы каждое отѣлѣніе имѣетъ свою дверь, которая ведетъ по лѣстницѣ на открытую галерею, устланную циновками изъ тростника. Эта галерея составляетъ узду или путь сообщенія между всѣми жилищами и выываетъ длиною иногда въ 600 футовъ. Дома строятся на высокихъ столбахъ; крыши покрыты пальмовыми листами.

Междѣ отѣлѣніемъ семействами есть внутренній въ домѣ двери для сообщенія. Одна большіе частю предѣланы въ крипѣи и днемъ открыты, а на ночь запираются. Всѣе крыша такъ устроена, что, въ случаѣ пожара, ее можно тотчасъ же сбросить внизъ.

Галерей служить мѣстомъ для отправления всѣхъ домашнихъ работъ и склоняется для разговоровъ. Во всемъ домѣ устроены только двѣ кухни, то-есть, два очага, и всѣ обязаны приготовлять тамъ пищу. Протигорыги призываютъ чрезвычайной предосторожности. Вырочетъ, пища состоится изъ одного варенаго риса. Столами и стульевъ нѣтъ; ложки и вилыто тоже: ристъ берутъ руками, а потому пригорюши соли. Блюда, тарелочки тоже нѣтъ; ристъ приносить на большихъ пальмовыхъ листахъ.

Двери въ всѣхъ отѣлѣніяхъ и задвижки, запоры не употребляютъ; о воронѣстѣ здесь никогда не слышали.

Пропесъ Эбергени и Хоринскаго.

Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ процесовъ, на дихъ оконченіи и для сообщенія отравительницы; оно приобрѣло въ послѣднее время такую известность, что даже нашъ «Судебный Вѣстникъ» привелъ его.

Обвиняемая Юлия Эбергени, фон-Теллесъ, попочная дама, членъ дворянскаго института въ Брюнѣ, dochъ известнаго венгерскагомагната Винтера Эбергени, родилась 9-го февраля 1842 года въ Сечени. Трехъ лѣтъ прѣѣхала она съ матерью въ Пештъ, где жила въ воспитательномъ домѣ лѣкаря Шрепфа, потому, когда ей минуло 16 лѣтъ, возвращалась въ отеческій домъ. Тамъ осталась она до января 1867 г., и ушла нѣтъ проѣтъ воли отца. Она отправилась въ Вѣну къ своему крестной матери, баронесѣ Сверцлеръ, которая, впрочемъ, не долго ее у себя держала, потому что она была слишкомъ многою времени гостемъ. Но той же

принчию выѣхала она изъ дома Клары Штейнхен-неръ и до 3-го августа жила въ г-же Гумбуль, а въ этотъ день перѣѣхала въ Крите-Штрассе, № 13-й. 6-го тѣла получила она званіе ночныхъ дамы въ Брониковскомъ учебномъ заведеніи и оденѣніе знаки этого званія, 19-го іюля, внесъ значительный вѣнзель.

Жертва Эбергени, Матильда Руэйтъ, родилась 16-го мая 1833 г. въ Майнингенѣ, а въ 1858 г. поступила въ театръ въ Линце, где познакомилась съ фіордеромъ тамошнаго гарнизона, графомъ Густавомъ Хоринскимъ, съ которымъ жила въ самой intimной связи. Въ 1860 году Хоринскій поступилъ на службу въ папсую армію и Матильда последовала за нимъ въ Аинкону, где, первей въ католическую вѣру, наставлена на томъ, чтобы Хоринскій на ней женился. После свадѣнія при Кастеллфіадро родилась у нее doch., которая, впрочемъ, вскорѣ умерла. Любовники обѣничались въ Римѣ, но вскорѣ поссорились и отѣхнулись въ Гейдельбергъ, а оттуда въ Нансъ, где графъ Хоринскій оставилъ свою жену и она возвратилась въ Брюнѣ въ отцу. Тамъ она заняла опять любовную связь и два раза жена застала ее соѣзными лицами. Въ 1864 г. принять было въ австрійскую службу, участвовать въ походѣ противъ датчанъ и въ 1866 г. раненъ быть при Кенингсгрѣбѣ. Жену его, между тѣмъ, примили

ласъ запертю, то ее отворили и нашли трупъ графини, лежавшей между софою и столомъ. Пронизѣвъ ее медицинскій осмотръ и оказалось, что она отравлена посредствомъ синеридиста камы, а какъ всѣ обстоятельства говорили, что не могло произойти ни самоубѣстя, ни убийства съ плѣнью грабежа, то подозрѣніепало на даму изъ Вѣнцы, бывшую у нее въ гостяхъ. Собраны были свидѣнія въ трикѣрѣ «Четыре времена». Дама съѣхдала тамъ записана подъ именемъ баронесы Маріи Фай, прѣѣхавшей туда 20-го ноября, и на сѣдмой день, въ семь часовъ, возвратившись въ сильномъ волненіи и уѣхавшей изъ Вѣнцы.

Графъ Хоринскій получать обѣтъ изъ вѣнѣтѣ черезъ полицію и 15-го ноября, съ сыномъ своимъ, Густавомъ, покѣхъ изъ Майнингена. Отѣхнувшись, что Густавъ недавно дѣлалъ запросъ въ поспѣніи о жительствѣ умершіей графини. Поведеніе его было очень странно: онъ запутался въ противорѣчіяхъ и, видимо, выказывалъ неясность въ убийствѣ женѣ. Майнингенскаго начальство написало нужнымъ, взять, 26-го ноября, Хоринскаго подъ стражу. У него нашли разныи фотографіи и портретъ подозрѣваемой баронесы Маріи Фай, которую онъ называлъ почтеною дамою заведенія Юлию Эбергени, и сознался, что находится съ нею въ связи. Но телеграфъ потребовалъ изъ Вѣнцы взятия съ подъ стражу и 27-го ноября, вечеромъ, она была арестована на то время, когда сидѣла за чайницами столомъ со своею сестрой и рассказывала той что-то забавное. По судебному слѣдствію пали на нее такія подозрѣнія, что находятся съ нею въ связи. Но телеграфъ потребовалъ изъ Вѣнцы взятия съ подъ стражу и она была арестована на то время, когда сидѣла за чайницами столомъ со своею сестрой и рассказывала той что-то забавное. По судебному слѣдствію пали на нее такія подозрѣнія, что находятся съ нею въ связи.

22-го априля началась публичный судъ въ Вѣнѣ. У главы судилища былъ Гіузанъ, обвиненіе привезъ прокуроръ Шмидель, защитникомъ былъ докторъ Нейдъ, президентомъ суда присяжный надзорный съѣзжий Шаусъ. Въ десятомъ часу утра обвиненная была приведена въ присутствіе и отѣхнулась на нее въ вопросѣ спокойно.

Ее приговаривать подѣлѣть же самъ плащъ, которое она носила изъ Майнингена, а именно: чорное полковое; на ней лежалъ голубой плащъ. Впечатлѣніе, произведенное ею повѣнѣніемъ, было неблагодіально истрѣблено публикой. На вопросъ президента: можетъ ли она оправдаться? она отвѣчала со слезами, что она не убѣйна. Но дальнѣйшимъ допросомъ оказалось, что въ 1867 году, маѣтъ, она случайно познакомилась съ графомъ Густавомъ Хоринскимъ, который на другой день напастѣлъ ее и вскорѣ вошелъ въ слизь съ нею. Впрочемъ, она ей сказала, что женатъ, но обѣ наѣхались, что, перемѣнившись въ бѣзу, они получаютъ разводъ, допускаемый въ такихъ случаяхъ конкордатомъ. Графъ хотѣлъ бытъ ею отставкой, а она получала содѣржаніе отъ родицъ. Но судебніи спрашивали, она могла ожидать наслѣдства на 20,000 гульденовъ послѣ смерти отца. Юлия обѣняла себѣ неувѣнѣвъ графа Хоринскаго, который и прописалъ ей руки у родицъ, обѣзвивъ готовность жениться на ней. Едѣ родине были на словорѣхъ и прѣѣхали въ Вѣну познакомиться съ граѣомъ.

Въ письмахъ своихъ Хоринскій писалъ, между прочимъ, отъ 9-го августа: «Всюю я долженъ на тебѣ жениться», то чтобы для этого должна была умереть графиня Матильда, въ этомъ обвиненіи постоянно отказывалась. До іюля имѣла она, графъ Хоринскаго, еще одного любовника, который потомъ бросилъ ее, видя, что ее требованія слишкомъ значительны. Сама же Эбергени сказала, что привела эту связь изъ любви къ Хоринскому, 28-го августа была она у женского врача Шлезингера, думая, что беременна, и требовала также помоши одной новорожденной бабки; она хотѣла бы

Жилище даекъ на островѣ Борео.

съ родине. Она жила въ однокомъ домѣ съ Хоринскимъ, получившимъ званіе правителя Нижней Австрии и какъ сидѣтъствуетъ съ письма, пообѣничала съ нимъ супружескій отнoshеніи. Родители Хоринскаго хотѣли, чтобы раненый синъ жилъ съ ними вѣтъ, но тотъ онѣтъ не захотѣлъ жить со своею женой. Графиня Хоринская выѣхала въ лѣтомъ 1866 года изъ дома своей тещи, называемой ей пенси, и до априля 1866 г. жила въ разныхъ мѣстахъ, и, между прочимъ, у Эннен Гартманнъ, въ Вѣнѣ.

20-го и 21-го ноября 1867 года познакомилась она съ одной дамою, жившую въ ней подъ симѣннымъ именемъ и обѣзвившей, что она развелась со своимъ мужемъ, потому что онъ стѣно дурно обходился и заложилъ ея бѣзы. Хозяйкѣ разѣвались съ графини Хоринской, сказала, что дама эта поѣхала съ ней въ театръ и что она, потому привезла съ ею чѣло. Гости прѣѣхали въ четыре часа пополудни, а въ шесть часовъ г-жа Гартманнъ, у которой граѣини пропросила біоноль, въ поѣздѣ и разѣѣлъ вѣдѣла Хоринскую. Графиня просила написать ей драконъ въ театръ. Г-жа Гартманнъ сѣла за это, но возвращалась, черезъ пять минутъ, написала, что граѣини еї жилины заперла и нолагала, что обѣ дамы отправились въ театръ пѣшкомъ. Хоринскую никто не видѣлъ, и на слѣдующій денъ, и когда, 25-го ноября, квартира еї остана-

транят ребенка, но не сознавалась в этом перед судом. Потом имевшему подистики Марин Эрсту, достала она эту пропись крылья, а потом, через фотографа Антерера и симордского ками.

К числу хитростей ей приналежали свидетельство о миной смерти графини Матильды, предъявленное ей родным, также попытка посыпать ей отравленные конфеты. Всегда приходил с Хоринским также два офицера Рамахаэр и Диркель. Обвинение в отравлении Эбергени сваливало на якобы то Гордат. От губернанти Агнесе Мерле достала она письмо к графине Хоринской и писала из Минхена к графу: «И отдала рекомендательное письмо этой старье, но она больна». Сама же Эбергени утверждала, что она сожгла рекомендательное письмо. Через Хоринского получила она 200 гульденов, из которых одну часть хотела отдать Гордату, а другую Рамахаэру, потому получила через графа два паспорта на имя баронес Марин Фай и Виктория Гордат. Брата своего Стефана хотела она убить, чтобы он присягнул о ее пребывании в родительском доме с 19-го по 22-е ноября, тогда как Хоринский должен был ходатоять о своем дяде замысле преступления на самого началь.

В письме из Минхена от 20-го ноября, Эбергени, между прочим, писала Хоринскому: «Я болею, чтобы не переносилась порочность». Ее спросили какое это порочество: «Простые содомические порочности», но дальше в письме говорила: «Ты же знаешь, что не поощряю ее, а между тем, я не досадлю, что ты так ласково пишешь об этой канали». Неужели эта старая тебе еще интересует?». Всю подобных возмутительных выражений говорили и Хоринский о своей жене и безпрестанно прибавлялся, чтобы Эбергени не пропадала.

23-го апреля произошло допрос свидетелей. Всю особенность важны были показания офицера Рамахаэра и студента Михулиха, которая признала предметы, найденные у Эбергени, принадлежащими той грабиной, чайнику и печати. Чайники она унесла, взрывом для того, чтобы Эбергени не пропадала.

В заседание 24-го апреля граф Густав Хоринский старался оправдать себя из содействия тщесценному своей жене, а 25-го апреля прокурор Шимодаль представил весь ход процесса. Графиня Матильда должна была умереть, потому что муку ее пузни были 600 гульденов, которые она от него получала ежегодно. Она обжаловала жалованье на Юлии Эбергени и формально обручила с ней 14-го сентября, испросив на это разрешение своего сына. Шаги в шагом преследовали отрочество преследованием до совершения убийства, от которого Эбергени безпрестанно отпиралась. Хотя она съедала видимо внутреннюю своего обольстителя, но, встали, сочтя ее совершившим убийство и по законам осуждалась за преступление.

Защищник ее, доктор Нейда, должен был признать силу доказательств и только объяснял, что, по случаю ненасытности вини, она не заслуживает казни. Хоринский ненавидел жену и опровергалась тщета, что она измывала ее и родила ребенка от студента Михулиха. Суд, однако, признал виновной Эбергени и приговорил ее к пытке диоранства и к 20-ти-летнему тюремному

Графина Матильда Хоринская.

заключению. Обвиненная покорилась приговору, но отец ее подал апелляцию. Прокурору, со своей стороны, привел к суду Хоринского, какъ сообщника убийцы.

Процесс Эбергени представляет картину безнравственности вѣскаго общества.

22-го июня мюнхенский уголовный суд разсмотрелъ дѣло австрійского поручика, графа Густава Хоринского. Граф обѣтъ былъ въ чорномъ плаще, волосы густательно причесаны, лицо окаменѣло баенбандами; на одномъ изъ пальцевъ левой руки блестѣлъ массивный вензельный перстень. Онъ вошелъ развязно и весело, расхаживалъ на всѣ стороны, держа въ рукахъ чорную плюшевую шапку, и спросилъ полнейшаго, куда ему сѣти. Всѣхъ него помѣстили въ залѣзды. Графъ тотчасъ вступила въ разговоръ съ своимъ защитникомъ и вообще держалъ сеѧ такъ, какъ будто находился на вечерѣ въ гостяхъ. Послѣ выбора присяжныхъ, президентъ предложилъ ему обратить въспоминанія, на которые онъ отвѣчалъ громко и гвардейски голосомъ. Изъ его отвѣтъ оказалось, что онъ 36-ти лѣтъ отъ рода, сынъ губернатора Ингольштадт, поручикъ австрійской службы. Поступилъ онъ на службу 16-ти лѣтъ и вышелъ изъ отставки 20-го марта 1859 года, потому снова вступилъ въ нее черезъ мѣсяцъ. Причиной выхода изъ отставки были долги. Въ австрійской арміи онъ имѣлъ чинъ поручика, вышелъ изъ нее солдатомъ изъ отставки 16-го марта 1860 года, вступили въ сколько днія с此后 на службу въ панскую армию, быть взятъ въ пѣхоту итальянскими при Кастель-Фидаро, успѣлъ бѣжать безъ посторонней помощи, сюда попалъ въ ихъ руки, былъ отвезенъ во Флоренцию, оттуда въ южнѣйшіи провинции, откуда и вообще пропалъ.

Затѣмъ, было введенъ 35-членовъ свидѣтелей, изъ которыхъ большая часть давали показанія на процесъ Юлии Эбергени. Президентъ объявилъ подсудимому, что его обвиняютъ въ убийствѣ его жены, графини Матильды Хоринской, и что въ рукахъ его находятся письма подсудимаго, доказывающія, что онъ женился по собственной охотѣ, а не обманомъ. Подсудимый не отрицаѣтъ этого, но утверждаетъ, что это произошло тогда, когда ему не было известно многое, а именно: что у нея были еще прежде любовная связь, что она не дворянскаго происхождѣнія, что матъ ей пользуется дурною репутацией, что у нея нетъ состоянія. Все это привело его въ негодование. Президентъ прочитъ письма графа Хоринского къ бывшей актрисѣ Матильдѣ Рузвѣ, отличающейся тѣмъ, что летомъ-

зимъ, цинизмомъ, воссторженными воскликаніями, которыми отличаются и послѣдовавшія письма его къ Эбергени. Подсудимый призналъ эти письма своими, и на вопросъ президента, признался, что имѣлъ связь съ баронессой Швейгертъ и Маріей Готтвѣ; последняя связь продолжалась съ 1863 до начала 1867 года, но онъ писалъ къ ней пѣхонъ письма изъ ноября 1867 года, потому что тогда онъ долженъ былъ гулденоны, и хотѣлъ разойтись съ ней, только выплативъ долгъ. Съ Юлией Эбергени онъ познакомился и вступилъ съ нею въ любовную связь въ маѣ 1867 года. Разсказывая подробнѣо о своихъ отношеніяхъ къ Эбергени, онъ объяснялъ, что хотѣлъ жениться на ней и считалъ это возможнымъ въ томъ случаѣ, еслибы онъ перенесъ въ протестантскую вѣру. Тогда она разбраласьѣ съ женой, потому что любилъ Юлию больше всего изъ жизни. Ізѣже, онъ призналъ, что просилъ у отца Юлии Эбергени руки еї, єзидалъ къ нему нарочно съ этимъ цѣлью, объяснялъ, что перейдетъ въ протестантизмъ и устранитъ себѣ препятствія. Все это было неизвестно его родителямъ; Юлия же не знала, что онъ женатъ, и онъ ей сказывалъ объ этомъ только послѣ довольно продолжительного знакомства, потому что раньше не представлялся случаѣ сдѣлать это. Причиною развода она вѣствала то, что, во время его болѣзни, жене его имѣлъ связь съ другимъ лицомъ. Президентъ показалъ подсудимому коробку, въ которой были отписаны варенія въ сахарѣ плюди, и спросилъ его, для чего она предназначалась. На это тотъ отвѣчалъ, что Эбергени посыпала ею посыпать жеѣ чѣпоѣ, чтѣ бы раздосядѣло и испугало ее; онъ согласился на это, но ему было неизвестно, что именно положили въ коробку, которую онъ не замечателья и не отправлялъ на почту. На вопросъ, зачѣмъ коробка была отпринесана сначала въ Брюннъ, подсудимый занумѣлъ и проромталъ какъ-то безсмыслицы слова. Когда представитель объяснялъ послушному, что при химическомъ анализѣ засахареніе плюди оказались отравленными, они смѣтылись и сказали, что не знаетъ, зачѣмъ Юлия виновато минѣла.

Отвѣты подсудимаго оказались, вообще весьма неудовлетворительными. На многие вопросы онъ не могъ дать никакого отвѣта, утверждалъ, что многое было ему неизвестно, отвергалъ всякое соображеніе по убийству женої и угрѣжалъ, что ничего не поизбрѣлъ о немъ. Между тѣмъ, мѣста въ его письмахъ содержатъ липы указания на его вину и вызываютъ убѣждѣніе, что обвинение совершенно основательно. Способъ защиты подсудимаго, и вообще его напускное равнодушіе, привели неблагоприятною впечатлѣніемъ на публику. Они самыи рѣшительнымъ образомъ отпарился отъ взводимаго на него преступлѣнія и утверждалъ, что и Эбергени не совершила убийства. Въ заключеніи допроса подсудимаго, президентъ спросилъ его, рѣшился ли онъ, въ виду подобныхъ доказательствъ, утверждать, что онъ неизвестенъ? и получили въ отвѣтъ «да», сказанное самыи ходимъ тономъ.

Затѣмъ, судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Въ заседаніе 23-го июня были приглашены, въ качествѣ экспертовъ, пѣкторы изъ изѣстныхъ имѣнъ, психиатры и химикъ, которымъ предстоило решить вопросъ о вѣдомости престу-

Графъ Густавъ Хоринский.

Юлия Эбергени.

щения подсудимому и о свойствах яда, причинившего смерть графине Матильде Хоринской. Некоторые доктора утверждали, что у подсудимого замыкались сладки умственного разстройства, другие же отрицали это. Профессор-доктор Бухнель подал милю, что разложение синиродиста калия влечет весьма медленно, когда онъ смѣшанъ съ сахаромъ, что вредъ ли возможно было отразить уже засахаренными ягодами, а что однъ только обсыпание ихъ ядовитымъ порошкомъ было бы неудовлетворительно. Впрочемъ, онъ, встакъ, не отрицаетъ возможности отравления плодомъ и не утверждаетъ категорически, что они не были обсыпаны ядовитымъ. Профессор-доктор Мартенъ объяснялъ, что графина отравлена синильной кислотой, и что этотъ фактъ вполнѣ доказанъ какъ патологически, такъ и химически. Графина не могла отравиться лавровицей водой, которую докторъ прописывалъ отъ желудочныхъ спазмовъ и перваго разстройства. Во всемъ имѣло количествъ лавровицей воды, которое содержалось въ желудкѣ при вскрытии, не могло заключаться столько синильной кислоты, сколько оказалось въ трубѣ.

Онъ же объяснялъ, что не находятъ на жалованье оснований считать умственную способность Хоринской покривленными, и менѣе, чѣмъ, совершенно затмѣнными въ время, когда та составляла планъ убийства и приводила его въ исполненіе. Докторъ Соллертъ не находилъ оснований предполагать, чтобы подсудимый действовалъ подъ влияниемъ умопомѣшательства и не былъ въ состояніи взвѣшивать постыдъ и значение своего поступка. Докторъ Морель, напротивъ, высказалъ предположеніе, что Хоринскаго страдалъ проказеннымъ, наслѣдственнымъ, семенными умопомѣшательствомъ, что онъ лишенъ способности взвѣшивать свои поступки и различать правдивость понятія. Но его милю, Хоринскому предстоитъ, черезъ два-три года, надула болѣзнь или параличъ. Докторъ Медеръ изъ Геттингена, основываясь на свидѣтельствѣ подозрѣнія о крайней раздражительности подсудимой съ самой ранней молодости, высказалъ милю, что подсудимый находился не совсѣмъ въ здравомъ разсудкѣ. Директоръ психиатрической лечебницы Гудонъ призналъ подсудимаго совершившемъ здоровымъ въ умственномъ отношеніи. После показаній экспертовъ, подсудимый былъ введенъ въ залу и президентъ сообщилъ ему милю: «Здѣсь, прокуроръ произнесъ свою обвинительную рѣчь. Онъ напомнилъ ейъ, что болѣтельство приводило къ преступлению и совершенію его, и старалась доказать, что Эбергени и Хоринскій давно уже установили отношеніе не-го. Нельзя только сказать, наѣфиро, чѣмъ именно была отравлена графина—винахъ или членъ; но вполнѣ доказано, что она была отравлена Юлиемъ Эбергени—членъ или винохъ, и что это произошло по соглашенію съ Хоринскимъ. Вообще доказательства прокурора отличались логичностью и ясностью. Письма Хоринской къ Эбергени отъ 19-го до 22-го ноября послужили доказательствами винъ подсудимаго; изъ нихъ видно, что Хоринскій заражалъ злую недоробкой преступлений. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ винъ его можетъ служить письмо, написанное имъ изъ тюрьмы, и наполненное мольбами о помилованіи. Подсудимый называлъ главнымъ уѣбѣдительнымъ лицомъ при составленіи плана убийства. Смерть его жены была единственнымъ средствомъ для жертвы имъ на Юлии Хоринскій, по характеру своему, весьма грубый геністъ, между тѣмъ, какъ жена его, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, была личиной благородна и любопытна. Несколько Хоринскаго къ женью 18-го июня 1862 г. обнаруживалась всѣ его иноземствъ и доказывалась, что онъ способенъ на злодѣяния. Зачинникомъ преступлений можетъ быть только Хоринскій. Прокуроръ отвѣчалъ утвердительно на вопросъ о томъ, сознавалъ ли подсудимый преступность своего поступка. Она не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ полномъ умственномъ здравии подсудимаго, потому что посѣдѣній раздражаетъ весь здравъ разумъ. Прокуроръ закончилъ свою рѣчу тѣмъ, что считаетъ Хоринскаго вполнѣ способнымъ отвѣчать за убийство жены. Зачинщикомъ *Шлас* предполагалъ своей защитительной рѣчи характеристику дѣйствующихъ лицъ настоящей позадиальной драмы. Когда рѣчь кончилась Эбергени, подсудимый вскочилъ и хотѣлъ покинуть залу. Защитникъ просилъ его замолчать, но подсудимый не учился, и даже просилъ предсѣдателя запретить адвокату читать и позорить Эбергена. Всѣе обвины держали себя такъ, что президентъ былъ вы-

нужденъ объзвѣтъ ему, что удалить его изъ залы, если онъ не будетъ пести себѣ приличіе. Предсѣдатель свою рѣчу, адвокатъ выставилъ на видъ всѣ факты судебнаго слѣдствія, которые имѣли или могли служить въ пользу неизвестности подсудимому его преступлению, въ силу его непорнормального состоянія. Даѣте, онъ оснариналъ самое участіе подсудимаго въ преступлении и нинѣнѣтъ его.

Въ засѣданіи 27-го юна, защитникъ отвѣчалъ на возраженіе прокурора и старалась доказать не-толькъ невозможность считать подсудимаго отвѣтственнымъ, но даже полныи идентитетъ его. Онъ еще разъ опирался на обстоятельства, доказывавшія, что Эбергени совершилъ преступление по собственному влечению, и что Хоринскій не зналъ о немъ. Не будь подсудимый поѣзжавшимъ, онъ бы однѣнъ изъ самыхъ гиеническихъ существъ. Свидѣтельство двухъ такихъ врачей, какъ Морель и Уэлъ, доказываетъ, что подсудимый не сонсѣнѣнъ здоровъ въ умственномъ отношеніи; что подтверждается и поведеніемъ его во время судебнаго разбирательства. Во всякомъ же случаѣ, стѣгутъ допустить, что преступление было задумано не Хоринскомъ. Защитникъ закончилъ свою рѣчу прокурору, что сомнѣвается въ участіи Хоринскаго въ совершеніи преступлений, и потребовалъ его оправданія. Пока защитникъ доказывалъ несомнѣнность его умственного разстройства, подсудимый былъ сильно раздраженъ и часто позволялъ себѣ рѣзкихъ выходокъ, во подъ конецъ вѣтъ въ совершенной апатіи. Такъ какъ на вопросъ предсѣдателя—имѣетъ ли онъ прибавить что-нибудь къ свое оправданіе, подсудимый отвѣчалъ отрицательно, то президентъ приступилъ къ постановкѣ вопроса: 1) Виновенъ ли графъ Густавъ Хоринскъ въ соучастіи въ убийствѣ графини Матильды Хоринской, совершившемъ Юлиемъ Эбергени; 2) Виновенъ ли Хоринскій въ томъ, что сопоставляя совершенію этого преступлений? и 3) (по предложенію адвоката). Быть ли подсудимый въ здравомъ разсудкѣ во время совершенія преступлений?

Послѣ совѣщенія, продолжавшагося 20 минутъ, присяженные вернулись въ залу засѣданія и отвѣтили отрицательно на первый вопросъ и утвердительно на второй и третій вопросы. Въ 3/4 третьего часа было прочитано слѣдующій приговоръ: «Графъ Густавъ Хоринскій присуждается къ 20-ти лѣтнему заключенію въ крѣпости, съ ульзъ судебныхъ издережекъ и къ пыткамъ изъ Базарія по выходѣ изъ тюрьмы». Подсудимый выслушалъ этотъ приговоръ безъ особенного волненія, но отвѣчалъ замѣтно дрожащимъ голосомъ «ѣсть» на вопросъ президента, имѣетъ ли онъ возраженіе чѣмъ-нибудь противъ этого рѣшенія. Онъ спросилъ защитника, будь его помилованъ въ заключеніи, какъ его будуть содержать въ крѣпости, и вообще каково устройство крѣпости, и можетъ ли онъ наѣфиро въ помилованіе? Во времена соображенія судей, Хоринскій говорилъ съ газетами хроникерами и высказывалъ имъ, между прочимъ, что краине беззаконіе рѣчи, что онъ разводнуетъ ко всему, что лишь лѣтъ заключеніе было бы довольно по его милю, что 20-ти лѣтний срокъ скажется ему съ слишкомъ жестокимъ наказаніемъ для совершившаго невинного человека, что онъ неизвестенъ и самъ не понимаетъ, какимъ образомъ его влѣтили во все это дѣло.

Во времена членія приговора Хоринскій оставался совершенно раздраженъ и вздрогнулъ только тогда, когда прокуроръ произнесъ его имя безъ графскаго титула: «затѣмъ, онъ опять стала разспрашивать о томъ, какъ его будуть содержать въ крѣпости. При выходѣ Хоринскаго изъ суда, графини Штормъ и Готтвиль (бывшая любовница его) бросились къ нему на шею и громко зардѣвали, при этомъ они обнажились икоторое время. Но проѣхѣвъ этихъ дамъ, президентъ позволилъ имъ поѣхать Хоринскому на другой день. Черезъ три дня они должны были перенестись въ Нассау; иль обѣдѣніемъ имъ позволено возвратиться изъ суда въ тюрьму безъ ручныхъ кандаловъ.

Графъ Хоринскій отказался отъ намѣренія заняться на рѣшѣніе мюнхенскаго уголовного суда, потому что его адвокатъ не наполнилъ ни малѣйшаго повода къ апелляціи. Со временемъ произошелъ разрывъ между Хоринскимъ и его адвокатомъ. Хоринскій вѣтъ въ весьма мрачное настроение: онъ даже иногда плачетъ; онъ не окладилъ такого тѣлка наказаніемъ, и расплатился,

въ худшемъ случаѣ, на нѣсколько лѣтъ твердымъ заключеніемъ.

ТЕПЛОТА.

Рядъ явленій и ощущеній, которыхъ мы при усиленіи ихъ называемъ жаромъ, а при уменьшении—холодомъ, безъ которыхъ не могъ бы существовать никакого организма, никакой жизни; горячъ существование, сѣдоватость, необходимы въ землѣ, но для восприія которыхъ природъ не создала никакого особынаго органа, какъ уши для звука и глаза для сichtы и тѣла, какъ наше, иже предѣлами только по ихъ степени, называемыи теплою, или теплородомъ.

Въ статьѣ нашей «*О солнѣ*», а передъ тѣмъ, въ статьѣ «*О космогонії, геогонії и антропонії*» мы уже изложили факты, по которымъ доказывается, что во всѣхъ неизмѣнной весенней зонѣ физическаго устройства небесныхъ тѣлъ, въ одинаковъ и основаны на соединеніи въ разныхъ размѣрѣхъ одной общей космической матеріи. Сѣдоватость, теплородъ принадлежатъ же къ этой матеріи, составляя, какъ и сѣть, не всесому, точнѣйшую, газообразную жидкость, производную отъ организма, особынаго явленія, или онущенія.

Солнечный лучъ составляетъ для земли единственный источникъ ее теплоты и органической жизни, по производству этой теплоты только въ самыхъ небольшихъ предѣлахъ, то-есть, въ поверхности и въ той газовой сѣти, которая окружає ее и которую мы называемъ атмосферой. На высотѣ 10-ти верстъ отъ поверхности земли солнечный лучъ не имѣетъ уже своего теплородъ дѣятельнаго дѣйствія, и даѣте, мировое пространство до предѣловъ другихъ атмосферъ, или фотосферъ, имѣетъ температуру, которую мы, на нашихъ земельныхъ и масштабахъ, опредѣлили въ 50° Р. холода.

Есть у насъ на землѣ и другой источникъ частнаго, случайного тепла, а именно: огнь; но это уже искусственное производство химическихъ процессовъ и существуетъ только временно, то есть, покуда не прекратилось его производство. Атмосфера, которая произвѣла его. Впрочемъ, и огонь можетъ производиться только въ нашей атмосфѣре. На высотѣ 10-ти верстъ мы уже не въ состояніи производить этого. А какъ законъ мірной жизни вездѣ одинаковъ, то и тѣль съѣмъ, что явленія и ощущенія теплоты, какъ и процессы огня, принципиально не одинаковы и не различны. Намъ кажется, что матерія междудународная и междузѣмійская простирается не одинаковы съ матеріей, окружающей землю солнце и всѣ звѣзды звѣздъ, потому что первая тепла и холода, а вторая блестяща и производитъ теплоту. Мы даже дали разныи называлъ тѣмпературъ, которыя происходятъ на землѣ отъ влиянія этой матеріи на разные предметы, входящіе въ составъ нашей планеты, или органической жизни, какъ: электричество, матицтвъ, гальванізмъ, теплородъ и т. п., и, только изъѣмъ огнь Гигида, Грове и др., уѣздили наѣ въ тождество явленій и въ единѣстѣ источника ихъ. И какъ мы раздѣлили электричество на положительное и отрицательное, такъ по различнымъ явленіямъ различны теплоту холода. Намъ мы знаемъ, что самъ лѣдъ можетъ видѣть изъ себѣ теплородъ. Чувство холода вовсе не абсолютно въ природѣ, а относительно къ разнымъ земнымъ предметамъ и организмамъ. Нормальная температура всего пространства мірозданія равнѣется, по нашему масштабу, 9° Р. Это для нашего организма, и растительнаго и животнаго, разрушительно, убѣиственно, хотя при арктическихъ путешествіяхъ Франции и Россіи люди выдерживали подобную стужу, имѣя теплую одежду и хорошую пищу.

Свойство тепла и холода на землѣ состоитъ въ расширѣніи и скиманіи всѣхъ тѣлъ. Только среднія точка температуры оставляетъ ихъ неизмѣнными. Этю точка считается мы на пульсъ реометра, по это условіе дѣліе. Наша ощущенія тепла и холода суть не одинаковы различны, чтобы какую-нибудь температуру считать нормально.

Африканцу будет холодно тамъ, гдѣ камчадалы теплые. Птицы, самъ человѣческое тѣло, отъ земли жизни процесса (обращенія крови), имѣетъ внутри около 30° Р., а на поверхности кожи 29° Р., въ эта послѣдня температура дѣлается необходимой для человѣка, который старается дополнить ее одеждой: зимою — теплово, а лѣтомъ — легково, такъ что выше 20° Р. онъ начинаетъ уже потѣтъ: мене же 19-ти, даже при легкой одеждѣ, тѣло начинаетъ чувствовать озобнъ.

Другое свойство теплоты состоится въ распросрѣданіи съ между тѣлами въ такой степени, чтобы вѣдь съ было по-ровнѣ. Вирочетъ, для этого надобно, чтобы переходъ изъ одного тѣла въ другое тѣло былъ совершенно свободенъ. Мы знаемъ, что солнечный лучъ пройдетъ по $280,000$ верстъ въ секунду, и одни лучи даютъ намъ сѣть, а другие приносятъ и теплородъ; съловательно, и теплота имѣетъ ту же скорость, какъ и сѣть. Лежимъ же теплородъ дѣлаетъ оченъ медленно. Поставьте же лѣгкій прутъ въ 20 дюймовъ длинѣ въ расположенный свинецъ, и противоположный конецъ прута начнетъ нагреваться не прежде, чѣмъ, черезъ четыре минуты, то-есть, по 20° Р. изъ секунды.

Брохъ сѣтевыми и тепловыми лучами солнца, получаемы ми отъ этого скѣтла съ теми же лучами тѣла. Мы ихъ не видимъ, но, во солнечномъ скѣтле видимъ химическое дѣяніе этихъ лучей. Сверхъ того, мы знаемъ, что каждыя притаматическіи лучи имѣютъ свою степень теплоты, а невидимые, тепловыя лучи производятъ всего болѣе теплорода. Это объясняется настъ, вонерныхъ, что хотѣть сѣть и теплота происходятъ отъ одного источника (солнца), но что теплородъ не имѣетъ нужды быть скѣтвимъ и что онъ очень близко сродствованъ съ темъ темпомъ космической материи, которая наполнено міровое пространство. Только такъ какъ мы знаемъ, что эта материя имѣетъ 50° Р., то очевидно, что лучъ солнечной фотографии имѣетъ свойство увлекать съ собою эти темпомъ тѣлья называемыя сѣтами и присношитъ въ нашу атмосферу и на поверхность земли разгоряченъ вѣтъ, отчего нагреваются и тѣ и другіе.

Любопытно, что солнечный теплородъ лѣтого и съвѣтъ проходитъ съвѣтъ стекло, такъ что онъ остается холоденъ; лежимъ же теплородъ, напримѣръ, огонь камина почти не проходитъ сквозь, а наѣгравшися ого, остается въ холода предметы, находящіеся за нимъ. Только скѣтвильный огонь проходитъ сквозь стекло и зажигаетъ скѣтвильный лучъ, то-есть, тотъ, который болѣе всего скѣтвуетъ солнечный лучомъ. Вирочетъ, лучи теплорода по тѣлу же законамъ отражаются, преображаются и удаляются, какъ и скѣтвы. Этому свойству обязаны мы явленіемъ собраніи лучей при фокусѣ зажигательной стеколь и зеркалъ.

Металлическіи поверхности лучше всего отражаютъ лучи теплорода, а полошьшиихъ ихъ, кусты стекло поглощаютъ ихъ лучше, а отражаютъ хуже. Чемъ широковѣтъ и выше цѣлью оливковаго рода тѣло, тѣло, которое поглощаетъ теплородъ. Въ зимъ солнечный день поглощаютъ скѣтву, и болѣе заскѣтываютъ сухае полымя, пѣрчина, и въянтие, то-есть, чистыя отъ сырости всего распространѣтъ. Всѣ отчего и чиркошисъ плодороденъ, потому что себѣ съ солнечными лучами, тогда какъ каменщики почва отѣбрасываютъ ихъ.

Всегда тѣло на земль поглощаютъ лучи теплорода и испускаетъ ихъ, такъ что приобрѣтенъ и потеря всегда уравновѣшиваются; но какъ отъ земли температура нашей атмосферы ничего не вынуждаетъ, значитъ, тепловыя лучи солнечного теплорода возвращаются въ обѣй скѣтвимъ — міровой зѣрнѣ, откуда вновь, удаляясь скѣтвими лучами солнца, продолжаютъ изъ земли времена оплодотворѣнія организма теплородъ.

Такимъ образомъ, всѣ земли тѣла служатъ проводниками тепла, то именуя хузе, другія теплы. Всѣ постепенность проподности: серебро, золото, мѣдь, олово, пластина жесть, сталь, свинецъ, даѣтъ изуми тѣла, начиная съ самыхъ твердыхъ: потомъ стекло, фарфоръ, глина; напослѣдъ дерево; чистъ очень другимъ проводятъ тепла; пѣрчина, пѣрка, перстъ, волосъ — еще хуже, а потому и употребляются преимущественно на зимнюю одежду, хотя не производятъ сами никакаго тепла, а только препятствуютъ улетучиванию тѣлесной теплоты.

На стени воспріимчивы тепла разными тѣлами, физики условились раздѣлить есъ: на спе-

цифическую и на относительную. Если, напримѣръ, сѣть имѣеть либо одинаковыя жидкости различныхъ температуръ, то смесь масла будеть показвать по термометру ровно среднѣе число двухъ прежнихъ температуръ. Одинъ фунтъ воды въ 60° Р., слитъ съ фунтомъ воды въ 20° Р., покажетъ результатъ = 40° Р. Но, соединивъ разнодѣйные жидкости, окажется совсѣмъ другое. Напримеръ, одинъ фунтъ воды въ 34° Р. съ фунтомъ, ругти въ 0° Р. дадутъ температуру не въ 17° Р., а въ 33° Р., то-есть, вода уступила ругти только 1° теплорода и возникла съ не 33° . Съловательно, количество теплорода, нужнаго для возышнѣя воды въ 1° , равнѣется такому количеству теплорода, которое возникаетъ температурѣ рутти на 33° . Приодолѣя оптии съ разными тѣлами, оказывается, что нѣтъ почти одинаковыхъ тѣлъ, которыхъ соединеніе температуръ дало бы среднюю цифру, то есть, каждое тѣло требуетъ болѣе или менѣе теплорода, чтобы быть доведеннымъ до одинаковой температурѣ съ другимъ тѣломъ, и эта теплота называется специфической, а разности между ними называются «относительной теплотой».

Въ химическомъ словарѣ Кларката есть таблица всѣхъ тѣлъ, съ обозначеніемъ ихъ специфической теплоты. Принимая воду за $= 1$, ледь будеть имѣеть $= 0$, золото $= 0,02$, человѣческое тѣло $= 9,7$, водородный газъ $= 3,2$, углекислый газъ $= 0,2$.

Опредѣлѣніемъ образомъ специфическую теплоту и относительную, мы не можемъ еще опредѣлить абсолютной, потому что не знаемъ тѣлъ, которымъ бы линии были всякой теплоты.

Есть еще такъ называемая «скрѣтва теплоты» (latens). Если фунтъ сѣти въ 0° Р. смынать съ фунтомъ воды въ $+ 60^{\circ}$ Р., то сѣть мгновенно растянетъ, а сѣть будеть $= 0^{\circ}$; съловательно, вода потеряетъ всѣ 60° теплоты, но сѣть не возникла въ теплородѣ, а только растяла. Если 6 фунтовъ сѣти въ -10° Р. смынать съ фунтомъ самой холодной воды, доведенской до 0° Р., она тотчасъ замерзнетъ при температурѣ въ 0° Р. Съловательно, ледь есть вода, линованная скрѣтвой теплоты. Вообще переходъ тѣла изъ твердого состоянія въ кашельное и обратно, требуетъ сильнѣйшаго перенѣса въ теплородѣ, и степень теплоты измѣняется иногда совершенно составъ тѣла. При возникнѣи температурѣ якою окрѣпнѣти, ма-ко изжирѣти, тѣсто превратится въ хлѣбъ, вода испарится совершенно, даже метлы, распылялись сперѣхъ въ избыточнѣй теплородѣ, то же при усиленїи (посредствомъ гальваническихъ батарей) превращаются въ пары въ газы, соединясь съ окружавшимъ воздухомъ.

Извѣстно, что человѣкъ можетъ выдержать всѣю высокую температуру. Нѣть собственной теплоты 30° Р., онъ при возникнѣи еи въ атмосферѣ, начиная видимо страдать, и только погрѣвываніемъ охлажденіемъ старается подогрѣвать скѣтву съмъ, но при обиженіиющемся положеніи 50° Р., вънѣ и ниже нуда состаляться крайнѣя прѣдѣлы, при которыхъ она можетъ поддергивать скѣтву съмъ. Вода кипитъ при 80° Р. и человѣческое тѣло не можетъ выдержать приносимой ею температурѣ; но постепенно и съ нѣкоторыми предсторожностями путешественники спускались въ кратеры опредѣлѣніи горъ до такой глубины, на которую температура покаживала 107° Р. Английцы учили Фордемъ и Блайдентъ проплыть 8 минутъ въ кратерѣ, поклонившися до 101° Р., гдѣ тѣло же испеклось, а головы жадно съѣдѣвались на нее наслаждавшихъ мѣхъ. Въ солнечныхъ ковыахъ въ Галапагѣскихъ лодъ работаютъ при 92° Р., а въ рудникахъ Тайбѣскихъ при 53° теплѣ.

Искусственное произнѣеніе холода производится обыкновенно съмѣщениемъ соли, селитры и нашатыря съ водой. Напримѣръ, 5 частей нашатыря и 5 селитры съ 16 частями воды въ $+ 10^{\circ}$ Р., покажетъ температуру еи до -12° Р.; 8 частей глауберова соли и 5 соленой кислоты съ такимъ же количествомъ воды даютъ -14° Р.; 3 части солено-силной кислоты съ 2 частами сѣла даютъ -36° Р.; 1 частъ сѣла и 1 частъ селитрой кислоты даютъ -35° Р.; 3 части солено-силной кислоты и 1 частъ сѣла -47° Р., а 10 частей сѣрной кислоты съ 8 частями сѣла -55° Р.

(Ло самодуктю А.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Шекспиръ» изъ перевода русскихъ писателей. Т. IV. — Радиневъ и его книга — «Словесность въ образцахъ», «Бодровова».

Четвертымъ томомъ закончилось издание Шекспира изъ перевода русскихъ писателей, подъ редакціею Н. В. Гербера. Въ настѣнное время, когда идетъ тысячи экземпляровъ этого изданія по почтѣ, проданы, едва ли найдется на Руси членъъ съ нимъ незнакомый; но крайней мѣрѣ, всѣй вѣдь его, или даже и просматриваешь. Но прочи его, вѣроятно, немногіе; одни не читали потому, что знаютъ Шекспира въ подлиннике, другие — ссылаясь на то, что читали его въ прежнихъ переводахъ, треты не прочли потому, что не одѣздили. Вѣроятно, новое изданіе Шекспира расчитано, кажется, не столько на публикѣ, сколько на изучающихъ и учащихъ. Это предположеніе опровергивается тѣмъ, что въ самомъ произнѣеніе дѣйствіемъ Шекспира вѣроятно содержаніе скользъ драмъ, какъ оно развидалъ или измѣнилъ, смѣгчалъ, перенаписалъ это содержаніе; изъ коментарій онъ узнаетъ о существованіи въ Англіи того времени таѣнъ, обуславливъ, какъ тѣло съмѣшилось съ боями драмъ. Новое изданіе Шекспира даетъ возможность взглянуть на Шекспира не только изъ поговорки на міровомъ геніи, но и какъ на поэта своего времени и своего народа.

Въ посѣдѣніи тому помѣщены отчты первыя юношескія произнѣенія, якою «Пирръ», «Ла-верона», «Комедія ошибкъ» и «Беззоднія усыпія любви», отчты произнѣеніи совершенно эрѣмъ, какъ, напослѣдъ, отчты сказка «Зимія слака», «Мѣра мѣру». Изъ этого видно, что изъ изданій штѣкѣ системъ, тѣлья хронологическаго порядка. Конечно, это нельзѧ ставить въ упрекъ издателямъ, которые должны были визывать переворачивали и разумѣтъ, начатыя сначала то, что было изъ письма. Нельзя, однако, умѣтъ, что настѣнное изданіе Шекспира не будетъ повторено, и изъ таѣнъ скульпъ, при второмъ изданіи нельзѧ по- желать хронологическаго порядка. Конечно, это нельзѧ ставить въ упрекъ изданіямъ, которые должны были визывать переворачивали и разумѣтъ, начатыя сначала то, что было изъ письма.

Небольшая книжка «Радиневъ и его книга», изданная и разглагольщенная позѣлько въ рѣдк. г. Некрасовъ, уничтоженнѣе въ ней всѣ рѣбята мѣста, не удостоиша главнѣмъ условіемъ, безъ котораго нельзѧ и приниматься за изданіе какою бы то ни было историческимъ наименіемъ. Это условіе — добровольность поданія, какъ видѣть Фонвизина, Кантемирова, В. Майкова, и, конечно, редактированіемъ. Ефремовъ, изданіе Глазунова, тотъ, конечно, замѣтилъ, что издатель и редакторъ не распоряжались по своему произволу ни съ одной строчки этихъ писателей, и, съ другой стороны, ни строчки не оставили безъ обласненій. Надія на, что большины отчты не останутся безъ обласненій.

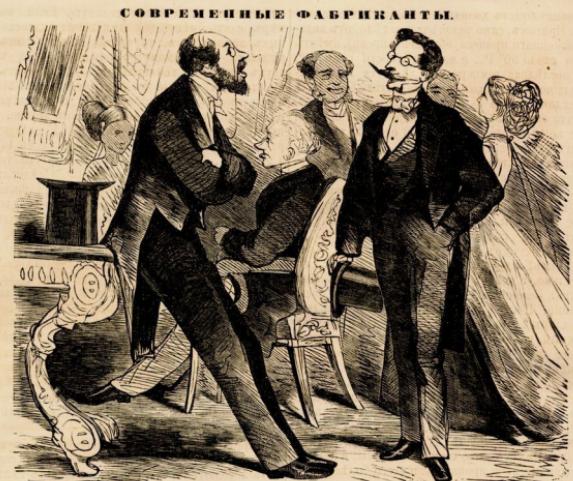
На большинство вышеупомянутой книжки издана «Федоръ» изъ «Путенескій» Радинева, всѣдѣстъ чего о Радиневѣ читатель получаетъ поверхности понятие. Книжка издана чисто, хотя съ большими отчтыками.

На слѣдующемъ изданіи изученія известной эпохи, слѣдуетъ коснуться книги, которая можетъ служить подготовительнымъ руководствомъ для бѣзъ серьѣзнѣго изученія. Книга эта принадлежитъ Водовозову и рассчитана не столько на учениковъ, сколько на педагоговъ. Трезвость педагогическихъ взглядовъ г. Водовозова изѣбѣта. «Словесность въ образцахъ», повидимому, изла-гаѣтъ весь краинъ сухую, какова теорія словесно-

сти. Но, посмотрите, что сделала из этой сухой материи г. Водовозовъ. Онь не выставляет требований никаких ученика семинарского ходячества. Каждое теоретическое определение составляется у него только канву, которую он разбѣгает в притяжки, собравшими не кое какъ, а подвидимыми подъ извѣстное направление, общее всей книжь. Объяснить, напримеръ, что такое описание, оно, изъ приводимыхъ вслѣдъ затѣмъ притяжки, противопоставляетъ Пушкина, какъ простого туриста, С. Максимову, какъ сердечному этнографу. Вотъ, напримеръ, что говорить оъ общемъ описаніи Пушкинскими припинскихъ статей: «Мы находимъ автора одѣгъ бѣглымъ замѣткой: онъ ждетъ не съ пѣлью изучить страну, а такъ, для развлеченья. Между тѣмъ, тутъ можно бы замѣтить много важнаго и любопытнаго. Наука объясняетъ намъ, какъ въ незапамятныя времена на мѣстѣ степныхъ равнинъ, было морское дно, какъ дѣйствіе подземнаго жара выдѣлялось на поверхности земли. Въ стихахъ есть слово растительность, свой животинъ (Пушкинъ упоминаетъ только об орлахъ, да козахъ). Горы съ ихъ дикою красотою, которая напомнила Пушкину картины Рембрандта, скорѣе ему притягивались и нѣгодили; но сколько-нибудь знакомый съ наукой наблюдалъ стѣнамиющими любопытствомъ, вглядывался бы въ формы и составъ скажъ, замѣтъ бы размы горыюю породы, образованіе и дѣйствіе лѣхниковъ, потоковъ сѣльныхъ обваловъ». Но, можетъ быть, развѣтъ, что ученикъ слушается, не знаетъ, что такое лѣхники, какъ бываютъ формы скажъ и составъ ихъ. Водовозовъ имѣетъ въ виду это выраженіе: «Преподаватель — говоритъ онъ — можетъ указать воспитанникамъ на описание стѣн горъ, долинъ въ хорошемъ учебникѣ географіи или самъ расскажать о природѣ чѣмъ-нибудь существенномъ, руководствуясь, напримеръ, книгою Риттера». Такимъ образомъ, предѣлъ теоріи словесности далеко расширяются. Напротивъ: ученикъ, который поѣзжалъ по направлению, указанному Водовозовымъ, не удовольствуется капликомъ нѣудовѣстившими описаніемъ, такъ какъ это направлѣніе научить относиться критически къ читаемому. Вотъ, напримеръ, что отвѣчаетъ Водовозовъ на вопросъ: «Какой характеръ вы предполагаете у пустыненскіхъ?» «Мы желаемъ — говоритъ онъ — чтобы пустыненскіе не были празднѣмы и раздѣльными зрителемъ, а визуальными наблюдателемъ всего, что встрѣчалось ему на пути, чтобы онъ описывалъ нетолько то, что случайно попадалось ему на глаза въ минуты прогулки, предпринятой для возбужденія аппетита, а самъ прилежно искалъ бы предметомъ для изображенія, иначе его записки будуть годами разѣтъ только для его прѣтелей.»

Эти четыре главы и подѣмѣть въ этиографическихъ сочиненіяхъ С. Максимова, съ которыми обстоятельно знакомитъ воспитанника. Если ученики будутъ знакомы съ пустынскими записками Максимова на столѣ, то сколько они испечернили бы книгу автора, можно и на этомъ остановиться. Воспитанники гимназий до серьезнѣйшаго чтенія не охотники. Если преподаватель пособуетъ имъ прочесть «Годъ на сѣверѣ», то можетъ быть убѣренъ, что они не развернутъ такой книги, отговариваясь множествомъ уроковъ. Этому году преподаватель можетъ пособить, отчасти передразненіемъ содержания книги, съ которымъ необходимо познакомить воспитанника, отчасти напити-руя наиболѣе характерными мѣста изъ неї; а въ этомъ случаѣ, книга Водовозова можетъ служить хорошимъ руководствомъ.

Въ изложеніи теоріи критики, какъ исторической, такъ и литературной, авторъ ссылается съ мнѣніемъ дѣльныхъ указаний, которымъ сообщаютъ ученику умѣніе обращаться съ фактами. До сихъ поръ, большинство чисто слушалъ, что исторический фактъ, такъ же, какъ и литературный, оставались для воспитанника единственною сферою. Отсюда къ исторіи онъ чувствовалъ непреложимъ отвращеніе, побѣжденіе «загадалъ», не трудинъ подумать, имѣетъ ли она како-нибудь соціальное значеніе и какое именно? А тамъ, по выходѣ изъ школы, чѣмъ дальше тѣмъ, тѣмъ больше дрожь — читать все, что подъ руку попадало, съ неимѣніемъ скромности забывая прочитанное, читая только для то-

— Вообразите, у меня дѣвъ фабрикъ: одна макаронная, другая проволочная и на одна изъ нихъ не пристроитъ ни койбакъ.

— Это оттого, что вы макароны вымѣшиваете какъ проволоку, а проволоку какъ макароны.

го, чтобы убить время и, такимъ образомъ, дѣлать стѣнки продуктомъ одной праздности. Водовозовъ, изложивъ теоріи критики, прямо хлѣбъ перекладъ къ гремъ родамъ познѣй: энто грековъ, наши русскіе бѣдны и сказки, романы европейскіе, съ историческими очерками развитія, романы на зацѣхѣ и, наконецъ, наше романы, представители которыхъ изъ автора Гоголя, лунинъ лирическая и драматическая произведения и обстоѧтельный разборъ всего этого — это что составляетъ содержание посыпанаго отѣлъ. Здѣсь авторъ точно такъ же чудомъ признакъ како-нибудь значенія изъ отвлеченной художественности, хотя бы даже изъ лирической поэзіи. Признакъ, что чистая художественность ведеть къ отсутствію привѣтственной смысли въ поэтическомъ произведеніи, авторъ тѣмъ сочувствуетъ въ своихъ отнешеніяхъ къ общественной лирикѣ. Не себѣльбины грѣхи, не чувства одиага,личного недовольства жизнью, не личныя страданія, не общее горе болѣнія, которая въ тяжеломъ труде не имѣеть времени ни почтать, ни наслаждаться — вотъ, по мнѣнію автора, основной мотивъ общественной лирики. Другими словами, сочувствіе къ тому:

Кто броситъ по жертвенной горѣ,
Въ бесправнойѣтъ, гнѣвойѣтъ ночи,
Какъ въ подземнѣй тишинѣ безъ свѣчъ.

Что касается до изложенія сущности драматической поэзіи, то намъ кажется, что авторъ напрасно пренебрегъ Островскимъ, съ которымъ воспитанники мало знакомы, и разборъ той или другой драмы, котораго ближе къ цѣлымъ, нежели разборъ пушкинского «Бориса Годунова». Вообще, пора бы намъ начинать преподаваніе литературы не Гоголемъ, а Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, какъ писателями, уже рефлексно опредѣлившимися и строго ариаллизированными критиками. Безъ этого условія, дѣло преподавателя литературы неизѣтъ считать конченнымъ.

M.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

Новинки оценки. — Въ вишневыхъ Швеѣ, въ Палѣстинѣ, выставляемо въ корзинкахъ искоскою овощи, совершенно неизвѣстные въ Европѣ. Самый большой изъ этихъ овощей имеетъ продолговатую форму, въ видѣ рѣдкѣй, только съ пишками. Они красноватого цвета и называются Тирогеномъ тибериевъ, крестъ-тубероза. Это растеніе привезено изъ Иерусалима въ 1837 г. и служило для украшения садовъ, благодаря густой зелени и краснѣющимъ цветкамъ, имѣющимъ форму капуциновъ. Въ

то же время начали пробовать приготовлять въ пищу корень растенія, какъ новый родъ картофеля, употребляемый въ пищу на экваторѣ, но съ какими соусами его подавали, онъ былъ невкусенъ и даже неприятенъ, потому что очень горекъ. Однако, въ Боливіи этотъ корень получаетъ лакомствомъ и тамъ его истребляютъ громадными количествами. Только вотъ какимъ способомъ его приготовляютъ: это скотъ, которое замороживаютъ и зять замороженный, когда въ поту. Въ Боливіи разумѣется, жарка, тѣмъ въ Париже, но почтъ тамъ очевидно и крестъ замерзаетъ скотъ.

Два другихъ овоща называются красный въ белой щілѣ. Это тоже небольшой пищеватый овощъ, известный изъ ботаники подъ названіемъ Oxalis tigridia. Она бываетъ двойковъ: красновата въ Бѣлой щілѣ, и ростетъ въ Перу и Боливіи, где ее употребляютъ въ пищу. Она страшна кисла, но, клядущъ на искоскою дней въ солнце, тогда она высыпаетъ и получаетъ притѣзаніе, въкусъ каштана. Ихъ тоже замороживаются въ вѣтѣ, оттого они дѣланы сладки.

Въ Европѣ можно бы развести огурцы и употреблять этого овоща вместо картофеля, истребивъ прежде картофель. Ова питательна и можетъ пристроить позѣ.

Приятная страна. — Островъ Ява можетъ называться премиальною страною. Тамъ, по официальной статистикѣ, тигры кушаютъ въ годъ по полтораста человѣкъ въ одинъ округѣ, да по сту припадаютъ въ другомъ. Въ это же время крокодилы проглатываютъ по пятидесяти человѣкъ, да змѣи задушиваютъ до сорока. Однако же жители не обращаютъ вниманія на эти маленькихъ не приятности. Губернаторъ назначаетъ премию за каждого убитаго тигра, по голландскому вѣрно предсказываютъ самъ слуга винко этихъ звѣрей, несчастно истреблены ихъ потому что не заботятся даже о своей безопасности.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Казань. А. М. С-лу; въ Земляковъ, Н. П. Б-лу.
№ 20-й высылалъ выше вторично.

Б. Бѣлог-чу. — Это стихи.
Пензенской почт. конн. 16-й № высылается вторично
На Мурзиновскому см., въ 1. Илья, А. С-лу. Ну, а еслиъ ваше письмо не дошло до насъ — въ томъ случае, пожалуйста, вѣтъ письма въ журналы пересыпайте одно и то же выраженіе, и не мы сами.

Подмѣтчику № 42-ю. Въ выпущенныхъ году статья не можетъ быть помѣщена, пересыплюсь въ другіе редакціи на себя не принимаемъ. Просимъ присыпать подробнѣй адресъ для доставленія желаемаго.

При этомъ номерѣ ***прилагается для всѣхъ подписчиковъ** Объявление о вышедшій книжкѣ: «Описание Петергофа».